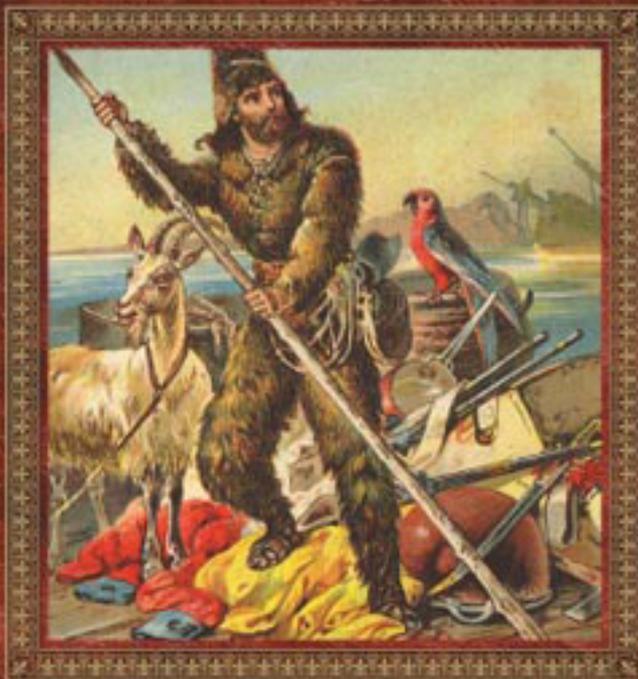

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ДАНИЭЛЬ ДЕФО

**Жизнь и удивительные
приключения
Робинзона Крузо**

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
www.dobryeputi.ru

Даниэль Дефо
**Жизнь и удивительные
приключения Робинзона Крузо**
Серия «Золотая библиотека приключений», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17465535
Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо: Клуб Семейного Досуга; Харьков; 2011
ISBN 978-966-14-1929-1*

Аннотация

Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо – роман английского писателя Даниэля Дефо, написанный как вымышленная автобиография, тем не менее основан на реальных событиях, произошедших с шотландским моряком Александром Селкирком, проведшим четыре года на необитаемом острове. Герою романа, Робинзону Крузо предстоит спастись в кораблекрушении и затем прожить в одиночестве на острове более 20 лет. Это книга о мужестве и воле к жизни, об упорстве и дружбе, мудрости и оптимизме.

Содержание

Факты, даты, цитаты	5
Этот удивительный Дефо	5
Первый успех	6
Робинзонада	7
Классики и Дефо	9
Литературоведы о Робинзоне	11
Авторские продолжения «Робинзона Крузо»	13
Экранизации «Робинзона Крузо»	14
Литература	15
Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо	16
Глава I	16
Глава II	19
Глава III	23
Глава IV	26
Глава V	29
Глава VI	32
Глава VII	35
Глава VIII	38
Глава IX	41
Глава X	44
Глава XI	48
Глава XII	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Даниэль Дефо
Жизнь и удивительные
приключения Робинзона Крузо

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2011

* * *

Факты, даты, цитаты

Этот удивительный Дефо

О многогранной деятельности Д. Дефо (из книги Д. Урнова «Дефо», 1990 г.)

О Дефо говорили и говорят, что если бы он описал свою жизнь, то получилась бы книга, достойная его романов – авантюрных... За пятьдесят лет литературной деятельности из семидесяти всей жизни он:

- издавал газеты: в пользу короля, против короля, в пользу вигов против тори, в пользу тори против вигов, как бы против вигов в их же пользу, будто против тори (с их благословения) и – от своего собственного имени (не называя имени);
- выдвигал проекты: по торговле, мореплаванию, разведению скота, образованию, стекольному делу, улучшению нравов и о том, как следует составлять проекты;
- составлял отчеты: об урагане, чуме, парламентских дебатах и – о появлении призрака;
- сообщал о событиях в Англии, во Франции, в России, в Америке, в Индии и – на Луне;
- опубликовал романы-исповеди от лица моряка, заброшенного на необитаемый остров, глухонемого, мальчика, выросшего сиротой, воина-наемника, потаскухи среднего разбора, пирата, потаскухи высшего разряда, разбойника с большой дороги и еще ряда лиц (за исключением своего собственного);
- написал истории пиратов, Карла XII, воссоединения Англии и Шотландии, Петра I и, наконец, полную историю привидений. И вот из множества названий – одно, из полувековой писательской деятельности – каких-нибудь два месяца... Таково положение «Робинзона» в наследии Дефо.

Дефо как общественный деятель (из книги А. Каменского «Даниэль Дефо, автор «Робинзона Крузо». Его жизнь и литературная деятельность», 1892 г.)

Нужно полагать, что торговля Дефо шла не особенно успешно, потому что при всяком событии в государственной жизни страны, затрагивавшем народные интересы, или когда грозила опасность политической и религиозной свободе нации, он бросал свою лавочку и, забывая о собственных делах, выступал в первых рядах общественных деятелей того времени. Дефо не думал при этом о грозивших ему опасностях и всею силою своего таланта и непреклонною энергиею отдавался служению тому делу, которое он считал правым...

Первый успех

Из книги Д. Урнова «Дефо»:

«Типографская краска не успела просохнуть на первых экземплярах «Робинзона», как уже появились его переделки и переводы. К одному журналисту в ту пору нагрянула ночью с обыском полиция. Его подозревали в сочинении каких-то антиправительственных памфлетов. «Видит Бог, – взмолился труженик пера, – последнее время я вообще ничего не писал, кроме краткого переложения “Робинзона Крузо”!»

Появление таких переделок объяснялось причинами экономическими. Книги были дороги, сохранилось стойкое предание о том, что простые читатели день ото дня откладывали деньги на «Робинзона Крузо».

«Приключения Робинзона» оказались первой беллетристической книгой, которая провела круг избранных читателей, сделавшись чтением для многих, даже для всех, кто вообще тогда мог читать. Ведь если современные писатели обязаны Дефо немалым, ибо фактически каждый, кто ныне берется за перо, а потом несет рукопись в редакцию, платит ему дань как родоначальнику, который вел профессиональную литературную жизнь, если журналистам приходится он прямым праотцем (составлял первые репортажи, сообщал о событиях, а если событий никаких не случалось, способен был столь же правдоподобно их выдумать), то и современные читатели перед ним в долгу: создал он свою книгу – и вместе с нею читающую публику, разнообразную, массовую – одним словом, современную».

Из книги А. Каменского «Даниэль Дефо, автор “Робинзона Крузе”. Его жизнь и литературная деятельность»:

«Успех “Робинзона” был почти беспримерный: в течение четырех месяцев эта книга, одинаково очаровывавшая людей самых разнообразных положений в обществе, выдержала четыре издания. По свидетельству одного из злейших врагов Дефо, Чарльза Гильдона, написавшего вскоре после появления “Робинзона” пародию на роман, наполненную самыми грубыми ругательствами и клеветами в адрес автора, эта книга уже при первом своем появлении сделалась, вместе с Библией и “Странствием пилигрима” Бэньяна, достоянием каждой, даже самой бедной, семьи. “Нет старухи, – говорит он, – которая не купила бы себе, если только хватало на это денег, “Жизнь и приключения Крузо”, с тем чтобы оставить ее... в наследство потомству”».

Робинзонада

«Литературная энциклопедия», 1935 г.

Робинзонада – термин, вошедший в литературу через роман Дефо «Жизнь и приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прошедшего 28 лет на необитаемом острове, описанные им самим». Этот термин обозначает литературные произведения, в которых изображается жизнь, приключения и производство обособленных личностей вне общества. Будучи близкой к романам авантюрно-приключенческого типа, составляя как бы отдельный вид этого рода произведений, робинзонада имеет свою отличительную сюжетную характеристику. В то время как авантюрно-приключенческий роман строится на конфликте между людьми, робинзонада имеет своим сюжетным стержнем борьбу обособленного человека с противостоящей ему природой. [...]

Переходя к истории робинзонады, мы должны отметить существование предшественника романа Дефо. Арабский писатель Ибн-Тофайль написал в XII в. книгу «Самоучающийся мыслитель», изображающую некоего Хай-Ибн-Иокдана, со дня рождения живущего на диком острове, где его вскармливает своим молоком газель. Благодаря настойчивости и наблюдательности он все более приспосабливается к условиям одинокого существования среди природы. Самовозгорание тростника предоставляет к его услугам огонь, постепенно он научается варить пищу, делать одежду из шерсти животных и т. д. Хотя роман этот был переведен на некоторые европейские языки, представляется все же мало вероятным, чтобы Дефо был с ним знаком; прямым источником сюжета романа Дефо была книга о моряке Селькирке, вышедшая незадолго до появления «Робинзона Крузо». В ней описана подлинная история этого матроса, который за провинности был высажен своим капитаном на необитаемый остров, где он прожил свыше 4 лет, пока его не подобрал проходивший мимо корабль.

Беспримерный успех романа Дефо... вызвал длинный ряд переводов, переделок и подражаний. Так, в XVIII веке появились Робинзоны бранденбургский, берлинский, богемский, франконский, силезский, лейпцигский, французский, датский, голландский, греческий, английский, еврейский, ирландский, швейцарский, мюнхенский (обозначенные так по месту происхождения или по языку, на котором написано подражание). Были робинзонады, касавшиеся самых разнообразных профессий, вплоть до робинзонад книгопродавческой и медицинской; появились также девушка-Робинзон и Робинзон-невидимка. По сведениям немецкого библиографа Коха, в одной Германии до 1760 г. появилось 40 робинзонад. Тема робинзонады продолжала привлекать писателей и в XIX и XX вв. Следует также отметить, что роман Дефо оказал огромное влияние на развитие авантюрного романа вообще. [...]

Так как роман Дефо содержит как бы две стороны – одну приключенческую, другую – заключающуюся в нравственных выводах, которые можно почерпнуть из судьбы этого героя, то и все подражания можно естественно разделить на две группы в зависимости от того, какую сторону романа Дефо они развивают. Из многочисленных робинзонад, продолжающих авантюрную сторону романа Дефо, укажем на следующие: наиболее популярными английскими робинзонадами XVIII в. были «Путешествия и приключения Вилльяма Бингфильда», «Жизнь и приключения Джона Даниэля» и «Морское путешествие Петра Вилькинса» Роберта Пултока. Наиболее крупными произведениями, продолжавшими нравоучительную идею романа Дефо, были «Новый Робинзон» Кампе и «Швейцарский Робинзон» пастора Висса, написанные под влиянием Руссо. Кампе ставил себе педагогическую цель способствовать своей книгой развитию творческих способностей человека. Эта книга, написанная в форме диалога между учителем и учеником... подчеркивает воспитательно-трудовую идею, почерпнутую из романа Дефо и высказываний Руссо. Более интересна обработка

пастора Висса, изображающая целую семью Робинзонов (отца с 4 сыновьями, совершенно различными по характеру). Проблема, поставленная автором, – это проблема примирения личных склонностей и интересов с интересами коллектива. Обе эти переделки однако чрезвычайно страдают от излишней дидактичности их авторов, в них не чувствуется биения пульса живого реалистического искусства, столь характерного для Дефо. [...]

Что значит «робинзонить»? (из статьи Н. Вороновой «Робинзон Крузо»)

Слово «робинзонить» придумал Жан-Жак Руссо и, между прочим, любил его повторять. Что именно имел в виду автор «Эмиля», где роман Дефо назван книгой для воспитания подростков, сомневаться не приходится. Это жизнь «в духе простоты», близость к природе, её благотворное влияние на личность. Словом, понятие «робинзонить» здесь явно имело положительный оттенок.

А в России это неуклюжее словечко одно время воспринималось со знаком «минус». У Лермонтова в «Герое нашего времени» нам встречается любитель «робинзонить»: светский франт, игрок, но – подстрижен «под мужика» и с тростью, как у Робинзона «Крузо». «Робинзонить» – «опрощаться» внешне или внутренне – было модным стилем поведения в кругу русского дворянства.

Первым реабилитировал роман Дефо, пожалуй, Лев Толстой. Некоторые литературоведы считают, что и само толстовство в значительной степени было вычитано из «Робинзона Крузо». Книгу эту Лев Николаевич перечитывал не раз. По поручению Толстого, один из учителей его школы сделал сокращённое изложение романа. А уж сам Лев Николаевич и его любимые герои робинзонили постоянно: пахали, косили и вообще любили «справлять простую работу».

Классики и Дефо

Сэмюэл Тейлор Колридж (1772–1834), *английский поэт и литературный критик*

Крузо вырастает только там, где всем людям можно дать почувствовать, что они могут и должны расти – в религии, в доверии и благодарном признании Божественного милосердия и доброты.

Джордж Генри Борроу (1803–1881), *английский писатель* Привет тебе, дух Дефо! Чем только я, несчастный, не обязан тебе! У Англии есть лучшие певцы, чем у Греции или Рима, но я могу обойтись без них легче, чем без Дефо.

Джон Стюарт Милль (1806–1873), *английский философ и экономист*

Детских книжек, как и игрушек, у меня почти не было, кроме случайных подарков от родственников или знакомых: среди них самым выдающимся был «Робинзон Крузо», эта книга приносила мне удовольствие все мое детство.

Эдгар Аллан По (1809–1849), *американский писатель, литературный критик*

С какой любовью воскрешаем мы в памяти те волшебные дни нашего детства, когда мы впервые в раздумье склонились над страницами «Робинзона Крузо»! Когда впервые ощутили, как разгорается в нас неутолимая жажда приключений, с трудом вчитываясь при неверном свете костра в эту книгу, строчка за строчкой постигая чудесную ее мудрость и с трепетным, захватывающим дух нетерпением открывая сердце ее пленительному, колдовскому очарованию. Но увы, дни необитаемых островов безвозвратно ушли в прошлое.

Вирджиния Вулф (1882–1941), *британская писательница, литературный критик*

Мы сами должны влезть писателю на плечи и пристально посмотреть его глазами, пока мы тоже пойдем, в каком порядке он размещает общеизвестные вещи, в которые писателям суждено всматриваться: человек и люди; за ними Природа; и над ними – та сила, которую для удобства и краткости мы можем назвать Богом.

* * *

...Все нам вслух читали «Робинзона Крузо», когда мы были детьми, и мы так же входили в одно душевное состояние с Дефо и его рассказом, как греки с Гомером.

Жан-Жак Руссо (1712–1778), *французский писатель, мыслитель, в романе «Эмиль, или О воспитании»*

Если уж нам непременно нужны книги, то существует книга, которая содержит, по моему мнению, самый удачный трактат о естественном воспитании. Эта книга будет первой, которую прочтет Эмиль; она одна будет долго составлять всю его библиотеку и навсегда займет в ней почетное место. Она будет текстом, для которого все наши беседы по естественным наукам будут служить лишь комментарием. При нашем движении вперед она будет мерилем нашего суждения; и пока не испортится наш вкус, чтение этой книги всегда нам будет нравиться. Что же это за чудесная книга? Не Аристотель ли, не Плиний ли, не Бюффон ли? – Нет: это «Робинзон Крузо».

Робинзон Крузо на своем острове – один, лишенный помощи себе подобных и всякого рода орудий, обеспечивающий, однако, себе пропитание и самосохранение и достигающий даже некоторого благосостояния, – вот предмет, интересный для всякого возраста, предмет,

который тысячью способов можно сделать занимательным для детей... Конечно, человек в этом положении не есть член общества; вероятно, не таково будет и положение Эмиля; но все-таки по этому именно положению он должен оценивать и все другие. Самый верный способ возвыситься над предрассудками и сообразоваться в своих суждениях с истинными отношениями вещей – это поставить себя на место человека изолированного и судить о всем так, как должен судить этот человек, – сам о своей собственной пользе.

Фрагмент романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» (диалог Печорина с Грушницким)

– Вот княгиня Лиговская, – сказал Грушницкий, – и с нею дочь ее Мери, как она ее называет на английский манер. Они здесь только три дня.

– Однако ты уж знаешь ее имя?

– Да, я случайно слышал, – отвечал он, покраснев, – признаюсь, я не желаю с ними познакомиться. Эта гордая знать смотрит на нас, армейцев, как на диких. И какое им дело, есть ли ум под нумерованной фуражкой и сердце под толстой шинелью?

– Бедная шинель! – сказал я, усмехаясь, – а кто этот господин, который к ним подходит и так услужливо подает им стакан?

– О! – это московский франт Раевич! Он игрок: это видно тотчас по золотой огромной цепи, которая извивается по его голубому жилету. А что за толстая трость – точно у Робинзона Крузо! Да и борода кстати, и прическа *a la toujik*.

– Ты озлоблен против всего рода человеческого.

– И есть за что...

– О! право?

Примечание. У Робинзона Крузо в романе Даниеля Дефо – не трость, а сделанный им самим зонтик; трость появилась во французских переводах, по которым Лермонтов, видимо, знакомился с этим романом.

Лев Толстой и Робинзон (по книге Д. Урнова «Дефо»)

После Руссо у книги о Робинзоне, пожалуй, не было другого такого внимательного и влиятельного читателя, как Толстой. С книгой о Робинзоне Толстой не расставался всю жизнь, вернее, с книгами о нем.

Толстой прямо сказал, чем его так привлек Робинзон. Это, по Толстому, «нормальный человек», прежде всего в том отношении, что он живет в напряженной борьбе с условиями, которые даны ему: Робинзону, как выразился Толстой, «не приходилось придумывать себе занятий». Вот эта значительность и в то же время естественность всех усилий Робинзона и были своего рода идеалом для Толстого, который, конечно же, подчас занимался «придумыванием» себе занятий. Интересно, что под влиянием Толстого на эту же особенность Робинзоновой судьбы обратил внимание и создатель одной из лучших «новых робинзонад», автор «Острова сокровищ» Стивенсон.

Тарас Шевченко и «Робинзон Крузо»

Из дарственных надписей Тараса Шевченко на книгах других авторов до нас дошел только один – на книге «Приключения Робинзона Крузо», которую поэт подарил своей племяннице – дочке Варфоломея Шевченко: «Любій Прісі на пам'ять од дядька Тараса Шевченка. 1859. Сентября 12». Дядя Тарас советовал своей племяннице внимательно прочитать роман.

А до этого в ссылке, в Новопетровском укреплении, летом 1856 г. Тарас Шевченко нарисовал сепию «Робинзон Крузо». На ней Робинзон изображен сидящим на пороге своей пещеры, он в раздумьях склонился над раскрытой Библией.

Литературоведы о Робинзоне

Андрей Васильевич Каменский (*русский литературовед, в книге «Даниэль Дефо, автор “Робинзона Крузо”. Его жизнь и литературная деятельность», 1892 г.*)

Подобно тому как «Дон Кихот» Сервантеса положил конец рыцарскому роману и рыцарским нравам, так «Робинзон Крузо» сделал невозможными все господствовавшие до него вычурные, искусственные произведения с их бесцветными придворными героями и героинями. Он стал провозвестником тех новых требований, которые возникли в среде народившегося теперь в Англии сильного и многочисленного среднего класса, жаждавшего более серьезного чтения с подкладкой реальной жизненной правды, и является родоначальником реального романа.

Дмитрий Михайлович Урнов (р. 1936), *литературовед, критик, в книге «Робинзон и Гулливер»*

...Очутившись на острове (на пятидесятой странице из трехсот), Робинзон ведет себя так, будто он никуда и не путешествовал: делает он все то, что совершает каждый ежедневно у себя дома. Если так можно выразиться – «совершает», потому что все это вещи обыденные. Но вот, следя за простыми действиями Робинзона, мы видим их заново. Нам вдруг делается интересно, как это человек надевает шляпу на голову или кладет в рот кусок хлеба. Сооружение мебели, если можно сказать тут «сооружение», описывается подробно, изготовление стула занимает страницу, а охота на льва упомянута где-то между прочим. И это есть обещанные «странные и удивительные приключения»?! Действительно, выходит странно и необычно после всевозможных «приключений и путешествий», где главное в чрезвычайном.

Выпуская первую часть «Робинзона», издатель приложил к ней, как и полагается ради рекламы, список книг, им уже опубликованных. И мы видим книжный поток, в котором появился роман Дефо, – «текущую литературу», унесенную безвозвратно временем. По отношению к этому потоку писатель-гигант занимает положение Гулливера, влекущего за собой лилипутский флот. Помните, Гулливер захватил лилипутские корабли, обрезал якорные цепи, и человечки думали, что он собирается пустить суда на волю волн. Нет, человек-гора потащил их за собой в противоположную сторону. Не делая демонстративных жестов, Дефо произвел в сущности тот же маневр: в книге, обещающей, как и множество других похожих книг, «путешествия и приключения», пишет он не о том, о чем обычно писали в таких книгах. Он идет проторенным путем и в то же время против общего потока.

Наталья Дали (*в статье «Роман Дефо “Робинзон Крузо”»*) В нескончаемых трудах духовных и физических Робинзон избавляется от главных пороков цивилизованного общества: жадности, лени, чревоугодия, лицемерия. Дефо так изображает историю жизни на необитаемом острове, что становится очевидным: непрекращающийся ни на минуту процесс познания мира и неустанная работа – естественное состояние человека, позволяющее ему обрести истинную свободу и счастье, доставляющее «минуты невыразимой внутренней радости».

Роман Д. Дефо «Робинзон Крузо» по праву считается первым классическим английским романом. Образ человека, волею судьбы очутившегося на необитаемом острове, изображённый Дефо, у разных людей вызывает порой прямо противоположные ассоциации. Многих повергает в панический ужас вероятность оказаться на месте героя Дефо. Другие же, напротив, в своих мечтаниях желают оказаться на необитаемом острове. Особенно грешат этим влюблённые. Но что это? Стремление к свободе или бегство от неё? И каков подтекст

самого писателя? По сей день исследователи его творчества не пришли к окончательному выводу. Да и придут ли?

* * *

...Спасение Робинзона в том и было, что он умел находить в негативных ситуациях положительные моменты. Моменты его физической работы на острове порой занимают целые главы, и как ни странно, об этом интересно читать, будь то обжиг глиняного горшка, выращивание риса-ячменя или строительство корабля. Не зря же говорят, что «человек не устаёт смотреть на три вещи: на огонь, воду и на то, как кто-то работает».

Авторские продолжения «Робинзона Крузо»

Существуют вторая и третья части «Робинзона Крузо», написанные самим Даниэлем Дефо; они намного менее популярны, чем первая часть. Название второй книги – «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо, составляющие вторую и последнюю часть его жизни, и захватывающее изложение его путешествий по трем частям света, написанные им самим». Начинается она с того, что после нескольких лет спокойной жизни в Англии Робинзоном овладевает непреодолимое желание вновь увидеть остров, на котором он столько пережил.

Третья книга Дефо о Робинзоне Крузо до сих пор не переведена на русский язык. Она озаглавлена «Серьёзные размышления Робинзона Крузо» (англ. «Serious Reflections of Robinson Crusoe») и представляет собой сборник эссе на нравственные темы; имя Робинзона Крузо употреблено автором для того, чтобы подстегнуть интерес публики к этому произведению.

Экранизации «Робинзона Крузо»

Русская «Википедия» приводит список из восьми наиболее известных фильмов (производства разных стран в 1932–2003 гг.), снятых по роману «Робинзон Крузо». Советских кинолент в списке две, 1946 и 1972 гг., главную роль в них сыграли Павел Кадочников и Леонид Куравлев соответственно. В последней по времени из перечисленных версий, французской, Робинзоном стал Пьер Ришар.

А в 1998 г. была снята очередная кинематографическая робинзонада – фильм «Новые робинзоны». В нем папа, мама, двое сыновей и дочка отправились на яхте из Гонконга в Австралию. В открытом океане их догоняет на корабле человек, продавший им яхту. Он оказался главарем пиратов и злодеем. Семье удается спастись, но яхта разбивается о рифы. «Робинзоны» оказываются на необитаемом острове, где жили крокодилы, фазаны, обезьяны, пантеры, питоны, росли ананасы, бананы и кокосы. Нашли на острове и своеобразную «Пятницу» – девочку-француженку с потерпевшего катастрофу самолета. Воевали с пиратами, обнаружили на затонувшей яхте награбленные пиратами сокровища.

Существует также компьютерная игра «Новый Робинзон».

Литература

- Аллен Г. Эдгар По (биография) // <http://lib.ru/INOFANT/POE/biography.txt>
- Аникст А. А. Даниель Дефо. Очерк жизни и творчества. – М.: Просвещение, 1957. – 136 с.
- Аникст А. А. Робинзоада // Литературная энциклопедия. Т. 9. – 1935 // <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le9/le9-7181.htm>
- Википедия // <http://uk.wikipedia.org>; <http://ru.wikipedia.org>
- Воронова Н. Робинзон Крузо // <http://lit-prosv.niv.ru/litprosv/articles-eng/voronova-robinzon-kruzo.htm>
- Дали Н. Роман Дефо «Робинзон Крузо» // <http://www.proza.ru/2010/03/04/159>
- Дефо Д. Дальнейшие приключения Робинзона Крузо, составляющие вторую и последнюю часть его жизни, и захватывающее изложение его путешествий по трем частям света, написанные им самим / Пер. с англ. З. Н. Журавской; под ред. А. Франковского. – М.; Л.: Academia, 1935. (Текст из электронной библиотеки Lib.ru: <http://lib.ru/PRIKL/DEFO/crusoeall2.txt>)
- Зарудный Е. Великий экспериментатор // Зеркало недели. – 2006. – 22 апр. (<http://www.zn.ua/newspaper/articles/46528#article>)
- Каменский А. В. Даниэль Дефо, автор «Робинзона Крузе». Его жизнь и литературная деятельность. – СПб., 1892. – 74 с.
- Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. – Т. 4: Проза. Письма. – М.: Правда, 1969. – 479 с.
- Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения: В 3 т. – Т. 1. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1961. – 851 с.
- Урнов Д. М. Дефо. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 255 с.
- Урнов Д. М. Робинзон и Гулливер. Судьба двух литературных героев. – М.: Наука, 1983. – 89 с.
- Defoe and the Critics // <http://www.unbsj.ca/arts/english/jones/3205-04/websites/shannon/index.htm>
- Richetti, John J. The Life of Daniel Defoe. – Malden, MA: Blackwell, 2005. – 406 p.
- <http://litopys.org.ua/shevchenko/shev9047.htm>
- <http://mamalisa.com/?t=es&p=1632&c=116>

Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо

Глава I Робинзон

Отец мой, по фамилии Крейцнер, происходил из довольно богатой семьи, родом из Бремена. Приехав в Англию, он поселился сначала в Гулле, где нажил себе торговлей значительное состояние; затем переехал в Йорк и женился на моей матери, носившей старинную фамилию Робинзонов, одну из самых известных в той местности. Вот почему, родившись здесь в 1632 году, я получил двойную фамилию Робинзона-Крейцнера. Но поскольку у англичан есть обычай коверкать все иностранные слова, в том числе и собственные имена, то не только нас прозвали другие, – мы и сами стали называть себя, а позже и подписываться *Крузо*. Так всегда меня звали все мои знакомые.

У меня было два старших брата: один служил во Фландрии подполковником в Английском пехотном полку под начальством знаменитого полковника Локгарта и был убит в сражении с испанцами под Дюнкирхеном. Что случилось со вторым моим братом, мне столь же мало известно, как неизвестно было моим родителям, что произошло потом со мной.

Я был третьим сыном, к торговому делу не готовился, и меня слишком рано начали одолевать всякие несуразные мысли. Отец мой, будучи уже в преклонном возрасте, сумел дать мне весь объем общих знаний, который можно приобрести, воспитываясь дома и посещая городскую школу. Он прочил меня в адвокаты, но меня ничего не привлекало, кроме морских путешествий. Эта страсть, несмотря на просьбы и убеждения моей матери и друзей, вопреки желанию и воле моего отца, захватила меня с такой силой, что казалась каким-то роком, пронзившим меня с рождения и упрямо толкавшим к бедствиям и горестям, впоследствии ставшими моим уделом.

Отец мой, человек рассудительный и дальновидный, в надежде отвлечь меня от моего намерения, настойчиво наставлял меня на путь истинный. Однажды утром он позвал меня к себе в комнату, в которую его заточила подагра, и горячо отговаривал от задуманного. Он спросил, какая еще причина, кроме моего пагубного влечения к странствиям, заставляет меня оставить отчий дом и родную страну, где мне все благоприятствует, где своим трудом я мог бы обеспечить себе значительное состояние, спокойную, благополучную жизнь.

– Только люди разорившиеся, потерявшие все состояние, – продолжал он, – бездельники, только честолюбцы или легкомысленные искатели приключений пускаются в подобные предприятия и ищут славы в делах, выходящих за пределы обычной, естественной жизни. С одной стороны, это стремление тебе не по силам, с другой – оно унижает тебя; твой настоящий удел – среднее состояние, то есть высшая ступень скромного жизненного бытия. Многолетний опыт убедил меня, что лучшим положением в мире является то, которое полнее других соответствует благополучию человека. Оно чуждо нужды и угнетения, физического труда и лишений, которые тяготеют над низшими классами; в нем не беспокоят нас ни гордыня, ни роскошь, ни самолюбие, ни зависть высшего класса. Ты лучше оценишь также счастье, когда узнаешь, что все люди, живущие в других условиях, ему завидуют. Даже цари нередко жалуются на трудности и беспокойства, связанные с их высоким званием: как часто жалеют они о том, что Провидение не поставило их между двумя край-

ностями – величием и ничтожеством, да и мудрецы утверждают, что середина – мера истинного счастья, все они просят избавить их как от нищеты, так и от излишнего богатства.

Наблюдай сам – и ты убедишься, что превратности судьбы подстерегают людей высшего и низшего классов. Меньше всего их приходится на людей среднего состояния, подверженных этим превратностям в меньшей мере, чем высшие и низшие слои общества: в нем реже встречаются болезни, беспокойства телесные и душевные, чем в двух других состояниях, из которых одно своими роскошью и пороками, а другое утомительным трудом, недостатками, скудной пищей и даже голодом естественным образом вызывают различные недуги и несчастья. Среднее состояние лучше и надежнее других обеспечивает расцвет всех добродетелей, всех удовольствий; спокойствие и изобилие – верные спутники счастливой посредственности. Воздержание, умеренность, здоровье, доброжелательность, общительность, приятные развлечения и всяческие удовольствия ниспосланы судьбой среднему состоянию. Человек среднего состояния в приятном спокойствии проходит свой жизненный путь и безмятежно, мирно завершает его. Тяжкая работа не удручает ни рук его, ни головы: он не влачит жизнь раба из-за куска насущного хлеба; его не изнуряют несчастья, лишаящие спокойствия и сна тело; его не сводит с ума зависть или втайне сжигающая жажда почестей и величия; в довольстве он легко скользит по свету, с наслаждением вкушает радости жизни, минуя ее горечи; чувствует себя вполне счастливым и с каждым новым днем учится осознавать это все больше.

После этого отец настойчиво и по-доброму убеждал меня перестать ребячиться, не искать на свою голову приключений, от которых меня должно защитить данное мне от рождения положение:

– Ты не нуждаешься в поиске хлеба насущного, я помогу тебе скорее обрести то состояние, которое я тебе предлагаю. Если же после этого тебе не повезет и ты не будешь счастлив, пеняй на свою судьбу или на тобой же допущенную ошибку; я в ответе не буду. Исполняя свой долг, я предостерег тебя от того шага, который ведет к краху. Одним словом, я готов всячески облагодетельствовать тебя, если ты остепенишься и останешься дома по моему совету. Но я не намерен способствовать твоей гибели, дав добро на задуманный тобой отъезд. У тебя перед глазами живой пример твоего старшего брата, которого я так же убеждал не участвовать в нидерландской войне. Однако все убеждения оказались напрасны: юноша ушел в армию и погиб. Я не перестану молиться о тебе, но скажу честно: если ты сделаешь этот безрассудный шаг, Бог не даст тебе благословения, и когда впоследствии ты пожалеешь о содеянном и останешься без помощи, тогда вспомнишь мои советы, которыми пренебрег.

В конце этой действительно пророческой речи, в чем – я полагаю – и сам отец мой еще не был уверен, слезы обильно потекли по его лицу, особенно когда он говорил о моем брате. Предсказывая мне мое раскаяние в будущем, он не в силах был продолжать и, внезапно остановившись, прибавил: «Я слишком расстроен, больше не могу сказать ни слова!»

Я искренне был тронут этим отеческим внушением: могло ли быть иначе? И отказался от своего решения, и решил остаться дома, исполнив волю моего отца. Но, увы! – через несколько дней добрая решимость моя исчезла, и несколько недель спустя я – во избежание новых родительских назиданий – решился бежать! Однако и тут еще я не сразу бросился из дому в порыве нетерпения: заметив однажды, что моя мать несколько развеселилась, я отвел ее в сторону и сказал: «Желание странствовать по свету настолько овладело мной, что у меня ничего решительно не получается, ни на одно дело у меня не хватает терпения, и отец мой лучше бы сделал, если бы дал мне свое согласие, а не поставил меня перед необходимостью обойтись без него. Мне минуло восемнадцать лет и поздно теперь идти в ученики к купцу или писарем к какому-то прокурору. Я уверен, что если это и сделаю, то все равно не дождусь конца испытательного срока и непременно сбегу от хозяина и уйду в плавание. Заболтайте за меня словечко батюшке, чтобы он сам отпустил меня попытаться

совершить путешествие, и если все это мне наскучит, я вернусь и более не тронусь с места и обещаю вам удвоенным прилежанием наверстать все потерянное время».

Мое объяснение сильно расстроило мою мать.

– Это невозможно, – сказала она. – Я ни за что не стану говорить об этом с твоим отцом, ведь он слишком хорошо знает, что тебе принесет пользу, и не согласится с твоими планами, мне даже странно, что ты после разговора с ним, такого доброго, мягкого, убедительного, продолжаешь еще об этом думать! Словом, если ты хочешь погубить себя, я больше не знаю, чем тебе помочь, и не сомневайся, что отец твой никогда с тобой не согласится. Что касается меня, я никогда не смогу благословить тебя на гибель и не хочу, чтобы обо мне сказали, будто я – твоя мать – поддержала твое непродуманное решение, против которого был отец.

Позже выяснилось, что, несмотря на обещание, моя мать все пересказала отцу и он, сильно обеспокоенный, сказал ей: «Этот мальчик мог бы быть счастливым, оставшись дома, но если он отправится странствовать, то станет несчастнейшим существом; я никогда не соглашусь на это».

Только через год мне удалось уйти. Все это время я постоянно отказывался от любого предложения заняться каким-либо делом и нередко упрекал отца и мать за их непреклонность, ведь они знали, как сильны мои природные наклонности. Однажды случайно, без всяких мыслей об отъезде, прибыв в Гуль, я встретил там одного из моих товарищей, который отправлялся морем в Лондон на корабле своего отца. Этот товарищ соблазнил меня ехать с ним, используя обычную приманку моряков, – что я отправлюсь даром. Не посоветовавшись с моими родителями, даже не поставив их в известность, а предоставив им самим как-то узнавать о моем отъезде, не спросив благословения ни Божьего, ни родительского, не учитывая ни обстоятельств, ни последствий, я, по несчастью и Бог знает как, 1 сентября 1651 года на корабле товарища отправился в Лондон. Думаю, что никогда еще несчастья молодого бродяги не начинались так рано и не заканчивались так поздно, как мои!

Едва корабль вышел из Гумбера, как поднялся ветер и волны стали вздыматься ужасным образом. Это была моя первая поездка по морю, мне стало очень плохо, и я упал духом. Только тогда я всерьез задумался о своем поступке и о правосудии Небес, о наказании за свое непослушание. Все добрые советы моих родителей, слезы отца, увещевания матери живо предстали в моей памяти, и моя, тогда еще не ожесточившаяся совесть укоряла меня в том, что я пренебрег родительскими советами и нарушил мой долг перед Богом и отцом. Между тем буря усиливалась и море волновалось, но все это было мелочью в сравнении с тем, что я увидел после и несколько дней спустя. Но и этого оказалось достаточно, чтобы расстроить подобного мне новичка: при каждой новой волне мне казалось, что я тону; когда корабль проваливался, как мне казалось, между двумя валами, я думал, что он идет ко дну. В этом жалком состоянии я неоднократно клялся, что если Богу угодно будет спасти меня и я доберусь до твердой земли, то нога моя никогда не ступит на корабль, а я вернусь к отцу, последую его советам и никогда больше не подвергну себя никаким опасностям. Тогда только я осознал справедливость рассуждений моего отца о жизни и убедился в том, как приятно и мирно он жил, не подвергаясь ни морским бурям, ни превратностям сухопутной жизни, и решил как блудный сын возвратиться в родительский дом.

Глава II Буря

Эти благоразумные мысли сохранялись у меня, пока продолжалась буря, и даже несколько дольше, но на следующий день ветер стих, море успокоилось и я начал мало-помалу привыкать к морской жизни. Весь этот день я был задумчив, продолжая еще страдать от морской болезни; но с приближением ночи погода прояснилась, ветер прекратился, наступил очаровательный вечер: солнце закатилось и такое же вошло на следующее утро. Легкий ветерок едва скользил по гладкому морю, в котором отражалось ярко сиявшее солнце. Зрелище было великолепное, прекраснее всего, что я видел!

Я хорошо спал всю ночь, тошноты больше не чувствовал, был весел и с удивлением любовался океаном, накануне еще столь грозным и жутким, а теперь таким тихим и приветливым. И тут, словно опасаясь, чтобы моя решимость не закрепилась, товарищ – мой соблазнитель – подошел ко мне и, хлопнув по плечу, спросил:

– Ну! Боб, как ты? Бьюсь об заклад, ты перепугался, когда ночью задул ветер, но этим ветром нельзя и шапки надуть!

– Не надуть шапки? Такая ужасная буря!

– Буря? Ты с ума сошел, и ты называешь это бурей? Пустяки и только! Нам бы – добрый корабль да побольше раздолья на море, так мы и ухом не поведем при таком шквале. Ты, Боб, просто неопытный моряк. Заварим-ка лучше пуншу и все забудем! Видишь, какая теперь чудесная погода?

Чтобы сократить эту скучную часть моей истории, мы последовали обычаю моряков: пунш был готов, я напился допьяна и за одну эту пагубную ночь потопил во хмелю все мое раскаяние, все размышления о прошлом, всю свою решимость насчет будущего. Одним словом, как только море утихло и его поверхность стала такой же ровной и гладкой, как до бури, так и пришли в порядок мои мысли, исчезли страх и опасение утонуть в море. Всколыхнулись прежние желания, и я совершенно забыл все свои клятвы и обещания, данные мной в минуту бедствия. Признаюсь, однако, во мне, как обычно бывает в подобных случаях, порой пробуждались здравый смысл и серьезные мысли, но я изгонял их, лечился от них, как от болезни, и благодаря пьянству и соответствующей компании, вскоре переборол эти – так называемые мной припадки, и в пять-шесть дней одержал полную победу над совестью, какую только может пожелать себе молодой повеса, решивший ни на что не обращать внимания.

Однако мне суждено было пережить новое испытание. Провидение, следуя закону справедливости, решило оставить меня без всякого оправдания. За мое упорство и непонимание того, что же способствовало моему спасению, последующие события развернулись так, что самый жестокий негодяй из нашего экипажа не мог бы не увидеть в них и опасность, и милосердие Божие.

На шестой день нашего плавания мы вошли в Ярмутский рейд. Ветер был встречный, слабый, и мы двигались после бури медленно. Затем бросили якорь и так стояли семь или восемь дней при встречном северо-западном ветре. В течение этого времени многие корабли из Ньюкасла пришли на тот же рейд – обычное место стоянки судов, ожидающих попутного ветра для входа в Темзу.

Мы бы могли простоять здесь гораздо меньше, стоило только воспользоваться приливом, если бы ветер не усиливался, особенно на четвертый-пятый день нашей стоянки. Все считали этот рейд столь же благонадежным, как и гавань: якоря и якорные принадлежности были в отличном состоянии, поэтому наши люди ни о чем не беспокоились, не предчувствуя никакой опасности, проводили время в свое удовольствие по обычаю моряков. На вось-

мое утро ветер усилился, и мы все принялись за работу: нам велено было ослабить стеньги, задраить люки и позаботиться, чтобы все было в исправности. Около полудня море сильно разволновалось: бак или носовая часть беспрестанно погружались в воду, корабль наш черпал воду. Раза два нам показалось, что бухт-якорь скользил по морскому дну.

Капитан велел отдать шварт или бросить главный якорь, и мы остались на двух якорях, натянув наши канаты до конца. В этот раз разыгрался настоящий шторм, и я увидел растерянность и ужас на лицах самых смелых моряков. Даже наш храбрый капитан выражал тревогу по поводу спасения корабля: когда он проходил мимо меня при входе и выходе из своей каюты, я слышал, как он тихо бормотал: «Господи! Смилосьердья над нами, мы погибаем!» и т. п. В первые минуты я неподвижно лежал в матросской каюте и не могу сказать, что я тогда чувствовал. Мне уже невозможно было обратиться к прежнему раскаянию, столь явно попранному мной. Я думал, что ужасы смерти прошли и что эта вторая буря будет похожа на первую. Но когда сам капитан, проходя мимо меня, сказал: «Мы погибаем!», я ужасно испугался, выбежал из каюты и огляделся вокруг.

Никогда еще столь ужасное зрелище не поражало меня: волны поднимались на высоту гор и через каждые три-четыре минуты обрушивались на нас. В какую сторону ни обращал я свой взгляд, везде видел ужас и бедствие. Два тяжело нагруженных корабля, стоявшие неподалеку, срубили свои мачты. Наши матросы закричали, что корабль, находившийся от нас не далее мили, начал тонуть. Другие два корабля, сорвавшись с якорей, носились без мачт в открытом море. Легкие суда меньше страдали от шторма, но два или три из них тоже унесло от берега, и они пронесли мимо нас, убрав все паруса.

Ближе к вечеру штурман и боцман попросили у капитана разрешения срубить фок-мачту. Капитан долго сопротивлялся, но когда боцман сказал ему, что без этого корабль неизбежно пойдет ко дну, он согласился. Едва успели свалить за борт переднюю мачту, как зашатался грот (средняя мачта) и корабль так закачалось, что и эту мачту пришлось срубить и очистить палубу.

Можно представить себе, что переживал тогда я, молодой моряк, которого совсем недавно ужасно напугали такие мелочи, как легкая качка. Но, насколько я помню, в то далекое время меня в десять раз больше, чем смерть, страшила мысль о том, что я пренебрег угрызениями совести и против отцовской воли возвратился к своим прежним намерениям. Все это вместе, усиленное ужасом бури, ввергло меня в такое состояние, которое невозможно выразить словами. Однако все это были еще цветочки!

Буря продолжала свирепствовать, и сами моряки признавали, что ничего ужаснее никогда не видели. Наш корабль был крепким, но, тяжело нагруженный, шел глубоко в воде. Матросы часто вскрикивали, что он оседает: к счастью, тогда я не знал еще значения слова «оседать», пока меня не просветили. Между тем буря настолько разбушевалась, что мне довелось увидеть то, что было редкостью: капитан и боцман, более других опасавшиеся, что корабль потонет, принялись за молитву.

В довершение беды среди ночи один из людей, посланных в трюм, закричал, что там открылась течь, а другой сообщил, что воды в трюме прибыло на четыре фута. Тут же всех призвали к помпам. При одном слове «к помпам» я обмер от страха и упал навзничь на койку, на которой сидел в каюте. Однако матросы скоро меня подняли, говоря, что если я ни на что другое не гожусь, то могу наравне со всеми качать воду. Я встал и отправился к помпам, где начал усердно работать. В это время капитан, увидев, что несколько легких судов, которые не могли устоять против бури, вышли в открытое море и приближались к нам, приказал стрелять, чтобы уведомить их, что нам угрожает опасность. Я, абсолютно не понимавший, что это значит, так перепугался, что решил, будто наш корабль уже разбился вдребезги или произошло еще какое-нибудь жуткое несчастье. Словом, я так перепугался, что упал в обморок. Поскольку это случилось в тот момент, когда каждый думал только о собственной

жизни, то никто не заметил, что случилось со мной. Другой матрос занял мое место у помпы и, решив, что я умер, оттолкнул меня ногой. Прошло еще немало времени, пока я очнулся.

Мы продолжали работать, но вода в трюме прибывала. По всем признакам, корабль должен был затонуть, и хотя буря начала понемногу стихать, нельзя было надеяться, что корабль доплывет до гавани, и капитан продолжал стрельбу, взывая о помощи. Небольшое судно, проходившее мимо нас, решилось спустить для нашего спасения бот: он приблизился к нам с риском для жизни его матросов, но ни мы не могли на него взойти, ни он не мог причалить к нашему кораблю. Наконец гребцы сделали последнее усилие, жертвуя собственной жизнью ради спасения нашей. Наши матросы бросили им канат с бакена, после невероятных усилий они его схватили, мы притянули их к носу корабля и спустились в их бот. О том, чтобы добраться до их корабля, нечего было и думать, поэтому решили пустить бот в открытое море и грести как можно ближе к берегу. Капитан пообещал, что если бот разобьется о берег, он расплатится за него с хозяином.

Таким образом, мы то гребли, то, подгоняемые ветром, держали курс на север и так почти достигли мыса Винтертон. Не прошло и четверти часа после того, как мы покинули корабль, как он начал тонуть. Тогда я впервые понял, что значило «оседать», или идти ко дну. Но, должен признаться, глаза мои были затуманены и я очень плохо видел предметы, когда матросы сказали мне, что наш корабль тонет, ибо с той минуты, как я сошел, или лучше сказать, когда меня положили в бот, я будто умер от ужаса и от мыслей о будущем.

Мы усиленно гребли в надежде достигнуть берега и могли ясно различать его, когда наш бот подбрасывало на гребень волн. Вдоль берега мы видели большую толпу людей, собравшихся помогать нам, когда мы подойдем к ним ближе.

Глава III

Робинзон – купец гвинейский

Мы медленно продвигались вперед и причалили к берегу, только миновав Винтертонский маяк; берег здесь уходит к Кромеру на запад и поэтому сдерживает силу ветра. Там мы пристали и – не без больших препятствий – все здоровые и невредимые сошли на плоский берег. Мы пешком направились в Ярмут, где нас как людей, потерпевших бедствие, приняли приветливо и тепло. Члены городской ратуши отвели нам хорошие квартиры, а купцы и судохозяева дали нам достаточно денег, чтобы мы могли отправиться в Лондон или возвратиться в Гуль, кому куда надо.

Если бы я тогда одумался и, возвратившись в Гуль, пришел домой, как бы я был счастлив! И мой отец, как в евангельской притче, не пожалел бы заколоть для меня упитанного теленка, ибо, узнав, что корабль, на котором я находился, потерпел крушение на Ярмутском рейде, он долго не знал, жив ли я или умер?

Но злой рок упрямо толкал меня на тот же злосчастный путь, и, хотя рассудок и здравый смысл часто призывали меня возвратиться домой, у меня не хватало сил это сделать. Не знаю, как это назвать: не хочу предполагать, будто бы существует тайный и неизменный закон судьбы, который делает нас орудиями нашего собственного разрушения, когда мы, полностью сознавая опасности, стремимся к ним с открытыми глазами! Но если действительно это не неизбежный и неотвратимый приговор, осуждавший меня на бедственную жизнь, то что же другое могло увлечь меня, вопреки здравому смыслу и внутреннему убеждению, вернуться к моему первому решению?

Мой товарищ, виновник моего настроения, был сыном капитана и пребывал тогда еще в большем унынии, нежели я. Живя на разных квартирах в Ярмуте, мы с ним встретились только на второй или третий день. Когда он заговорил со мной, мне показалось, что его голос изменился. Задумчиво покачивая головой, он спросил меня о моем здоровье, рассказал своему отцу, кто я такой и что я отправился в это путешествие ради опыта, намереваясь впредь совершить еще не одно. Его отец, обратившись ко мне, серьезно и грустно сказал:

– Молодой человек! Не советую вам больше пускаться в море. Вы получили верное и явное доказательство, что никогда не сможете быть моряком!

– Отчего же, сударь? Разве вы тоже не отправитесь более в море?

– Это другое дело, – возразил он, – мореходство – моя профессия и мой долг. Что же касается вас, вы сделали попытку, и небо дало вам вкусить то, что ожидает вас в будущем, если вы еще вздумаете упорствовать. Может быть, все, что случилось, произошло из-за вас, и у нас на корабле вы были, как Иона на корабле Тарзинском. Скажите мне, кто вы такой и что привело вас на корабль?

Я рассказал ему мою историю. В конце рассказа он прервал меня и страшно разозлился:

– Чем же я провинился, что на моей палубе оказался такой негодяй? Я не взял бы и тысячи фунтов стерлингов, чтобы плыть на одном корабле с тобой!

Эти слова, понятно, были произнесены сгоряча человеком расстроенным, удрученным своей потерей, и в своем гневе он перешел всякие границы. Но произносил он их не шутя, убеждая меня возвратиться к отцу и не испытывать больше судьбу!

– Видите, – продолжал он, – рука Всевышнего ополчилась на вас; знайте, молодой человек, что ежели вы не возвратитесь домой, то куда бы вы ни отправились, везде вас будут преследовать неудачи и беды, пока не сбудутся слова вашего отца.

Я не нашелся что ему ответить, вскоре мы расстались, и я больше не видел его. Куда он девался, мне неизвестно. Я же с небольшой суммой денег в кармане отправился сухим

путем в Лондон. И там, и по пути я долго боролся с самим собой, раздумывая, какой же образ жизни избрать, возвратиться ли мне к своим или пуститься в море?

При мысли о возвращении домой стыд затмил благоразумные доводы моего рассудка: я все время представлял себе насмешки соседей и мое смущение не только перед моим отцом и матерью, но и всеми знакомыми. Это дало мне повод впоследствии замечать, как легкомысленно и непродуманно иногда ведут себя люди, особенно молодые, когда им следовало бы руководствоваться здравым смыслом, а они стыдятся не самого поступка, который заслуживает упрека и осуждения, но стыдятся раскаяния, которое только и поможет им восстановить доброе имя, вернуть уважение людей.

Некоторое время я находился в этом состоянии, не зная, на чем мне остановиться, чем заняться, какой путь выбрать в жизни. Я продолжал чувствовать непреодолимое отвращение к родительскому дому, и пока я колебался, воспоминания о моих несчастьях и бедствиях стирались, а вместе с тем угасало мое желание возвратиться. Наконец я совсем выбросил из головы мысли о возвращении и выжидал случая снова отправиться в путь.

Та же пагубная сила, которая заставила меня бежать из родительского дома, породила во мне сумасбродную, непреодолимую жажду богатства и с такой силой вклинила в мою голову эти нелепые мечты, что я перестал слушать не только голос разума, но и проигнорировал уговоры и запреты моего отца, – та же самая сила толкнула меня на следующий шаг, заставила пуститься в самое неудачное из всех предприятий: я сел на корабль, который отправлялся к берегам Африки или, как говорят наши моряки, в Гвинею, и начал свое новое путешествие.

Хуже всего для меня было то, что во всех этих приключениях я не занялся простой морской службой. Работа моя была бы, конечно, тяжелее, чем я привык, но при этом я мог бы овладеть профессией, изучить обязанности моряка и со временем стать штурманом или помощником капитана, если не капитаном. Но такова была моя судьба: я всегда выбирал худшее, как и в этот раз. Имея деньги в кармане и приличную одежду, я с удовольствием расхаживал по кораблю, как настоящий барин, ничем не занимался и ничему не научился.

Мне посчастливилось, прибыв в Лондон, попасть в довольно хорошее общество, что не всегда удается таким молодым повесам, каким я был в ту пору, обычно злой дух составляет им сети, но со мной этого не случилось. Первым моим знакомым оказался капитан корабля, который недавно довольно успешно ходил к берегам Гвинеи и собирался туда опять. Полюбив мое общество, которое тогда было вполне приятным, и наслушавшись моих рассказов, в которых я делился своими мечтами повидать свет, он пригласил меня ехать с ним, уточнив, что путешествие мое ничего не будет стоить, я буду его собеседником и товарищем. Если же захочу взять с собой какие-нибудь товары, то смогу воспользоваться случаем и даже извлечь из торговли выгоду, некоторую прибыль.

Я принял предложение и, подружившись с этим капитаном, открытым и честным человеком, совершил с ним это путешествие и пустил в оборот небольшую сумму, которую благодаря бескорыстной его честности значительно приумножил. По его совету я купил на сорок фунтов стерлингов мелких стеклянных товаров и детских игрушек. Эти сорок фунтов стерлингов я собрал при помощи нескольких своих родственников, с которыми состоял в переписке и которые, как я полагаю, уговорили, может быть, моего отца или, по крайней мере, мать, помочь мне в моем первом предприятии.

Из всех моих приключений только это путешествие было довольно удачным, чем я обязан честности и порядочности моего друга капитана, от которого я получил также достоверные сведения в математике и практическом мореходстве, научился корабельному исчислению, съемке высоты, словом, многому, без чего никак не обойтись моряку. Как капитану нравилось обучать меня, так и мне доставляло удовольствие у него учиться. Короче говоря, это путешествие сделало меня и моряком, и купцом. Я привез за свой товар пять фунтов

девять унций золотого песка, за который по возвращении в Лондон получил около трехсот фунтов стерлингов. Такой успех вселил в меня несбыточные мечты о будущем, мечты, впоследствии завершившие мою гибель.

Однако же и в этом путешествии мне пришлось пережить ряд невзгод: я долго хворал ужасной тропической лихорадкой вследствие непомерно жаркого климата, наша торговля проходила между пятнадцатым градусом северной широты и экватором.

Мне захотелось самому стать гвинейским купцом, но, на мою беду, мой друг капитан вскоре по возвращении на родину умер. Я решил предпринять еще раз такое же путешествие и отправился на прежнем корабле, которым теперь командовал бывший помощник капитана. Это было самое злополучное из всех моих путешествий. Я взял с собой около ста фунтов стерлингов, оставив двести у вдовы моего покойного друга, которая сохранила их. Однако во время пути мне суждено было пережить ужасные бедствия.

Наш корабль, держа курс к Канарским островам, или вернее – между этими островами и Африканским берегом, однажды на рассвете встретился с мавританским корсаром из Салеха, который погнался за нами на всех парусах. Чтобы уйти от него, мы сами подняли столько парусов, сколько могли выдержать наши реи, но увидев, что пират выигрывает у нас и, вероятно, настигнет через некоторое время, мы приготовились к бою. На нашем корабле было двенадцать пушек, а у разбойника – восемнадцать. Около трех часов пополудни он догнал нас и напал с борта вместо того, чтобы атаковать нас с кормы, как он предполагал. Мы навели на него восемь пушек и дали по нему залп, что заставило его немного отойти. На наш огонь он ответил ружейным залпом из ружей всех двухсот человек, находившихся на его палубе. Ни один из наших людей ранен не был. Он приготовился напасть на нас снова, а мы точно так же – обороняться. В этот раз он подошел с другой стороны и перебросил к нам шестьдесят человек, которые в одно мгновение изрезали и изрубили все наши снасти. Мы осыпали пиратов ударами полупик, ружей и гранат с такой силой, что два раза прогнали их с нашей палубы. Наконец, заканчивая печальную часть рассказа, я должен сообщить, что наш корабль был разбит, трое из наших людей убиты, восемь ранены, и мы вынуждены были сдаться. Нас как пленников отвезли в Салех, в крепость, принадлежавшую маврам.

Там со мной поступили вовсе не так строго, как я ожидал. Меня не отослали к императорскому двору вместе с остальным экипажем. Капитан разбойничьего судна взял меня к себе, сделав своим невольником, так как я был молод, ловок и работоспособен.

Глава IV

Робинзон-невольник

Внезапная перемена обстоятельств, которая из купца сделала жалкого невольника, почти убила меня: я вспомнил пророческие слова моего отца о том, что в несчастье я останусь совершенно беспомощным. Это пророчество исполнилось, и мне казалось, что хуже этого больше ничего не могло случиться: рука Всевышнего покарала меня и я погиб безвозвратно. Но – увы! – это было только прелюдией к тем испытаниям, которые я должен был пережить, как покажет продолжение этой повести.

Мой новый хозяин, или господин, взял меня к себе в дом, и я надеялся, что со мной он отправится в следующее свое плавание, рано или поздно попадет в плен к какому-нибудь испанскому или португальскому военному кораблю, тогда я опять обрету свободу. Но эта надежда скоро испарилась: отправляясь в море, он оставил меня на берегу присматривать за небольшим садом и выполнять обычную черную работу в его доме. Возвратившись из плавания, он приказал мне оставаться в своей каюте и наблюдать за порядком на корабле.

Там я постоянно мечтал о побеге и о способах, которые позволили бы осуществить мои планы, но не находил никаких реальных возможностей для достижения успеха. Мне не с кем было посоветоваться, у меня не было ни одного товарища по несчастью – невольника – ни англичанина, ни ирландца, ни шотландца. Так что целых два года, пребывая в своих мечтах, я не видел никакого пути к осуществлению моих надежд.

Года через два представился удивительный случай, который воскресил во мне прежнюю мысль вырваться из неволи. Однажды мой господин дольше обычного не снаряжал свой корабль, как я после узнал, из-за недостатка средств. Между тем, раза два или три в неделю в хорошую погоду, а иногда и чаще он выезжал на корабельном катере ловить рыбу и всегда брал с собой двух гребцов – меня и одного молодого мавра, чтобы мы развлекали его. Поскольку я был неплохим рыбаком, каждый раз, когда ему хотелось иметь блюдо рыбы, он посылал меня с одним мавром – своим родственником – и молодым Мареско на рыбную ловлю.

Однажды утром во время штиля, когда мы отправились в море, поднялся такой густой туман, что мы потеряли из виду берег, хотя находились от него не далее полумили. Гребя наудачу, мы промучились целый день и всю следующую ночь, а когда наступило утро, вместо того чтобы быть у берега, оказались в открытом море, по крайней мере мили за две от берега.

Наконец нам удалось добраться до земли не без труда и опасности, так как ветер начал крепчать и мы почти умирали с голоду.

После этого случая хозяин наш сделался осторожнее и предусмотрительнее, решил не выезжать более на рыбную ловлю без компаса и запаса провизии. Имея в своем распоряжении баркас с нашего корабля, он приказал своему корабельному плотнику – тоже английскому невольнику, построить в середине его каюту, как на барже, оставив сзади место, достаточное для управления рулем и гротом, и порядочное пространство спереди, чтобы одному или двоим управляться с парусом. Этот баркас ходил с особенным парусом (парус – баранье плечо или парус со шпринтовом). Мачта укреплялась наверху низкой и узкой каюты, служившей спальней для хозяина и одного-двух невольников, в ней помещались стол для продуктов и несколько небольших шкафов для бутылок с хозяйским питьем, а особенно для хлеба, риса и кофе.

На этом баркасе мы часто отправлялись на рыбную ловлю, и без меня, как большого мастера этого дела, ни одна поездка не обходилась. Однажды моему хозяину вздумалось (вместе с двумя или тремя важными туземными маврами) проехаться на этом баркасе подальше. Для этой поездки он заготовил больше обычного провизии и прислал ее нака-

нуне отъезда. Мне же приказал взять с корабля три ружья с порохом и дробью, чтобы еще и поохотиться.

Я быстро, как приказал хозяин, сделал все необходимое и на другой день с утра дожидаясь его на вымытом и убранном баркасе с распущенным флагом и вымпелами, готовый к достойному приему гостей. Вдруг мой хозяин приходит один на берег и говорит мне, что его гости отложили свое гулянье из-за каких-то дел. Потом он велел мне, как обычно, отправляться на этом баркасе с мавром и мальчиком и наловить ему побольше рыбы на ужин, к которому он ожидал приятелей, после чего возвратиться домой. Я так и поступил.

Этот случай натолкнул меня на прежнюю мысль о свободе. Я командую небольшим судном, хозяина моего нет дома – и я начал запасаться всем нужным не только для рыбной ловли, а и для настоящего путешествия, хотя не представлял еще, куда мне направиться – все пути для меня были хороши, лишь бы вырваться из неволи. Первое, что мне требовалось, – склонить мавра взять для нас еды. Я ему сказал:

– Не стоит надеяться на угощение нашего хозяина.

– Это правда, – согласился он и принес большую корзину домашних сухарей и три больших сосуда со свежей водой. Я знал, где мой хозяин держал ящик с напитками, вероятно, захваченный с какого-то английского судна. Пока мавр был на берегу, я перетаскал все бутылки на баркас, как будто бы они еще раньше были поставлены для господина. Перенес туда же и огромный кусок чистого воска, фунтов в пятьдесят, с клубком ниток или шнурков, топор, пилу и молоток, которые нам оченьгодились впоследствии, особенно воск для изготовления свечей.

Кроме этого, у меня был готов для мавра другой обман, в который он по своему простодушию поверил. Его имя было Измаил, а мавры называли Моли или Мули. Я ему сказал:

– Моли! Ружья нашего господина на баркасе. Не можешь ли ты достать немного пороха и дроби, чтобы нам самим поохотиться и настрелять для себя несколько альками¹. – Я знал, что на корабле имелись огнестрельные снаряды.

– Да, – ответил он, – я принесу.

Он принес большой ящик с полутора фунтами пороха, если не больше, да еще сумку, полную дроби и пуль, весом около шести фунтов, и все это уложил в баркас. Кроме того, я набрал в каюте моего хозяина еще немного пороха, который высыпал в большую бутылку, бывшую в бауле. Итак, снабженные всем необходимым, мы отплыли из гавани на рыбную ловлю. Сторожевые при входе в гавань нас знали и не обратили на нас внимания. Выехав на милю расстояния в море, мы подняли парус и принялись ловить рыбу. Ветер дул, вопреки моему желанию, северно-восточный. Если бы он подул с юга, я спокойно достиг бы испанского берега или, по крайней мере, Кадикского залива. Но, откуда бы ни дул ветер, я решил вырваться из этого ужасного места, предоставив остальное судьбе.

После продолжительной и бесплодной ловли (кое-какая рыба попала на удочку, но я нарочно ее не вытаскивал и незаметно отпускал) я сказал мавру:

– Не идет дело на лад, наш хозяин останется недоволен, надо идти дальше.

Ничего не подозревая, он согласился и, сидя на носу, поставил паруса. Я, управляя рулем, направил судно на милю дальше и лег в дрейф, будто собираясь приступить к рыбной ловле. Затем, передав мальчику руль, я отправился на нос к мавру, наклонился позади него, вроде бы намереваясь что-то поправить и, протянув его руку между ног, внезапно схватил его и перебросил за борт. Он в ту же минуту вынырнул, ибо плавал как пробка, и громко стал умолять взять его на баркас, клятвенно заверяя в своей готовности объехать со мной весь свет. Он плыл так быстро за баркасом, что при тогдашнем штиле очень скоро бы нас

---

¹ Птица, похожая на кулика. (Здесь и далее прим. ред., если не указано иное.)

настиг. Увидев это, я бросился в каюту, схватил одно из охотничьих ружей и прицелился в него, сказав:

– Я не причиню тебе зла и, если не станешь упорствовать, ничего и впредь не сделаю. Ты прекрасно плаваешь и легко доберешься до берега, море тихое, плыви скорее, я не трону тебя, но если ты приблизишься к баркасу, то прострелю тебе голову: я решил освободиться!

Тогда он повернул назад и поплыл к берегу. Я не сомневаюсь, что он, превосходный пловец, удачно доплыл. Мне бы выгоднее было взять его с собой, но я побоялся довериться ему.

Когда он был уже далеко, я обернулся к мальчику по имени Ксури и обратился к нему:

– Ксури! Если ты будешь верен мне, я сделаю из тебя человека, но если ты чистосердечно не поклянешься мне в этом Мухаммедом и бородой своего отца, то мне придется и тебя бросить в море.

Мальчик улыбнулся мне и ответил так искренне, что ему нельзя было не поверить: он поклялся мне быть верным и повсюду следовать за мной.

Пока плывший мавр не скрылся из виду, я вел баркас прямо в открытое море, против ветра, дабы подумали, что я пошел к проливу, как предположил бы всякий благоразумный человек. Да и кому бы пришло в голову, что мы поплыли к югу, к поистине варварскому берегу, где многочисленные толпы негров могут окружить нас на своих лодках и убить, а на берегу – растерзать дикие звери или безжалостнейшие из всего рода человеческого – дикари!

Но едва начало темнеть, я переменял курс, направившись к юго-востоку, чтобы не слишком удаляться от берега. При хорошем свежем ветре, спокойном и гладком море я так быстро несся под парусами, что, впервые увидев на другой день в три часа пополудни землю, понял: мы находимся, по крайней мере, на сто пятьдесят миль южнее Салеха, далеко за пределами владений не только марокканского султана, но и всех туземных властителей – мы не видели там ни одного человека.

Глава V

Первый привал за водой

Как бы то ни было, страх, который внушили мне мавры, был так велик, опасения попасться им в руки так ужасны, что я не хотел ни убавлять ход, ни приставать к берегу, ни бросать якоря.

Таким образом, я при попутном ветре продолжал свое плавание в течение пяти суток, но когда ветер подул с юга, я решил, что если бы даже какое-нибудь судно и гналось за мной, оно теперь должно было уже вернуться. Эта мысль придала мне смелости, и я бросил якорь в устье одной небольшой речки, не знаю какой, не знаю, под каким градусом широты, ни в какой стране, ни у какого народа. Я не видел ни одного человека и не желал видеть. Единственное, в чем я нуждался, – это пресная вода. Мы вошли в эту бухточку под вечер, решив, когда смеркнется, вплавь добраться до берега и осмотреться. Однако, едва стемнело, мы услышали такие ужасные звуки, издаваемые какими-то дикими зверями неизвестной породы, что мой бедный мальчик чуть не умер от страха и начал меня умолять не сходить на берег до наступления дня.

– Хорошо, Ксури, – сказал я ему, – я не пойду сейчас, но, может быть, днем мы увидим людей, которые окажутся еще злее львов.

– Тогда мы выстрелим в них из ружья, – сказал Ксури со смехом, – чтоб сделать их бежать далеко.

Так Ксури научился говорить по-английски, навещая нас – товарищей по неволе. Впрочем, я был очень доволен решительностью этого ребенка, а для поддержки дал ему выпить глоток из бутылки, находившейся в ящике нашего бывшего хозяина. Совет Ксури, однако же, был хорош, и я ему последовал. Мы бросили наш маленький якорь и продремали всю ночь. Я говорю «продремали» потому, что мы не спали, ибо в течение двух-трех часов видели каких-то огромных зверей, сами не знали каких: они подходили к берегу и бросались в воду, барахтаясь и моясь в ней, как будто чтобы освежиться, – они выли и ревели так ужасно, что я, по правде сказать, никогда не слышал ничего подобного.

Ксури сильно перепугался, да и я тоже, но мы оба еще больше испугались, когда услышали, что один из этих огромных зверей плывет к нашему баркасу. Мы не могли его видеть, но, судя по дыханию, могли предполагать, что это свирепый зверь чудовищной величины. Ксури утверждал, что то был лев, и это вполне возможно. Помню только одно: бедный ребенок просил меня сняться с якоря и уплыть.

– Нет, Ксури, – возразил я, – нам стоит только при помощи буя вытянуть наш канат и выйти в море, звери слишком далеко не погонятся за нами.

Едва я успел договорить, как увидел его: он был от нас лишь на расстоянии двух весел. Я на миг застыл. Однако, опомнившись, схватил в каюте ружье и выстрелил в зверя, он закрутился и поплыл к берегу.

Невозможно описать тот ужасный шум, страшные рыки и вой, которые поднялись на берегу и в глубине при треске, произведенном моим ружьем. Я могу предположить, что тамошние звери прежде никогда не слышали ничего подобного. Это убедило меня в том, что нам нельзя причаливать к берегу ночью, и опасно, видимо, рисковать и днем, потому что попасть в руки каким-нибудь дикарям для нас столь же ужасно, как и попасться в когти львов и тигров. По крайней мере, мы одинаково испугались того и другого.

Как бы то ни было, нам необходимо было искать место, где можно было бы запастись пресной водой, у нас не оставалось ее ни капли. Но когда? Как? Вот в чем вопрос. Ксури сказал, что если я ему позволю сойти на берег с кувшином, он постарается отыскать воду и принести мне. Я его спросил, зачем идти на берег ему, не лучше ли остаться в шлюпке,

а мне отправиться на поиск? Но ребенок ответил мне с такой сердечностью, что с тех пор я навсе гда его полюбил:

– Если дикий люди придешь, он съест меня, вы бежать.

– Хорошо, Ксури, – воскликнул я, – так мы пойдем вместе! Если дикари нападут на нас, мы их уьем, и они не сожрут нас, ни тебя, ни меня.

Тогда я дал Ксури кусок сахара и глоток ликера из ящика, о котором говорил прежде. Потом, притянув баркас так близко к берегу, как нам это казалось нужным, мы сошли на берег, взяв с собой только наше оружие и два кувшина для воды.

Я старался не терять из виду баркас, боясь увидеть в реке лодки с дикарями. Однако мальчик, заметив низменное место, на расстоянии около мили от берега, побежал туда и вскоре стал быстро возвращаться. Мне подумалось, что его либо преследуют дикари, либо испугали хищные звери, и я помчался к нему на помощь. Когда я подошел к нему ближе, то увидел что-то висящее на его плече – это оказался застреленный им зверек: он походил на зайца, но цвет его шерсти был совершенно иной и лапы длиннее. Все-таки мы ему очень обрадовались, это было вкусное кушанье, но главной причиной великой радости бедного Ксури было то, что он, не встретив ни одного дикаря, нашел хорошую пресную воду.

Позже мы убедились, что нам вовсе не стоило так беспокоиться о воде: немного повыше бухточки, в которой мы находились, вода оказалась совершенно пресной после отлива, да и сам прилив заходил недалеко. Итак, наполнив наши кувшины, мы полакомились застреленным зайцем и готовились продолжать наш путь, не обнаружив здесь никаких человеческих следов.

Поскольку я уже совершал путешествие у этих берегов, то очень хорошо знал, что Канарские острова и острова Зеленого Мыса находятся недалеко. Но не имея приборов для съемки высоты и определения широты, на которых мы находились, и точно не зная, или, по крайней мере, не помня, на какой широте лежат эти острова, я не знал, ни где их искать, ни когда следует свернуть к ним. Если бы мне это было известно, добраться до какого-нибудь из них было бы легко. Придерживаясь берега, пока доплыву до места, где торгуют англичане, я надеялся найти какое-нибудь из их суден, совершающих свои торговые рейсы, – оно бы выручило нас и взяло с собой.

По моим расчетам, место, в котором я тогда оказался, находилось между владениями марокканского султана и землями негров. Это пустынная местность, необработанная, населенная лишь дикими зверями: негры, боясь мавров, покинули ее и удалились ближе к югу, а мавры не захотели здесь поселиться из-за бесплодия почвы. Скорее же, можно предполагать, что и те, и другие оставили ее оттого, что здесь обитало ужасное множество тигров, львов, леопардов и других диких зверей. Теперь для мавров это только место их охоты, на которую они отправляются целыми армиями, по две-три тысячи человек. И действительно, около ста миль вдоль этих берегов мы днем ничего не видели, кроме необитаемой пустыни, а ночью ничего другого не слышали, кроме воя и рыкания диких зверей.

Однажды или два за день мне казалось, что я вижу пик, являющийся высочайшей вершиной Тенерифских гор на Канарских островах – и меня одолевало сильное желание (в надежде дойти до него) отважно пуститься в открытое море. Однако после двукратных попыток встречный ветер и сильное волнение на море, опасные для моего маленького судна, заставляли меня каждый раз поворачивать назад, так что я решился, как и до того, держаться вдоль берегов.

На своем пути мне несколько раз приходилось приставать к берегу, чтобы запастись пресной водой. Один раз, рано утром, мы бросили якорь в одном довольно возвышенном месте, прилив уже начинался, и мы спокойно ожидали, чтобы он помог нам приблизиться к берегу. Ксури, у которого, похоже, глаза были более зоркие, тихонько окликнул меня и сказал, что нам лучше удалиться от берега.

– Вот, посмотрите-ка туда, видите то ужасное чудовище, которое растянулось и спит на холме?

Я посмотрел на место, которое он мне указал, и в самом деле увидел страшное чудовище, огромного льва, лежавшего у берега, под тенью одной части горы, которая как бы нависла над ним.

– Ксури, – сказал я, – ступай на берег и убей его!

Ксури казался испуганным:

– Я убить! Он проглотит меня в один рот.

Он хотел сказать «целиком». Я ничего больше не сказал мальчику, приказал ему только оставаться спокойным, взял наше самое большое ружье, почти равное мушкету, зарядил его большим количеством пороха и двумя кусками свинца и положил на землю. Затем зарядил другое двумя пулями, а третье (их у нас было три) зарядил дробью. Из первого моего ружья я как можно вернее прицелился, чтобы попасть льву в голову, но он лежал, одной лапой прикрывая морду, и заряд попал в его лапу, выше колена, и перебил ему кость. Зверь вздрогнул и зарычал, но, почувствовав боль в перебитой ноге, упал, потом приподнялся на трех лапах и испустил самый ужасный рев, который я когда-либо слышал. Я несколько удивился, что не попал ему в голову, тотчас схватился за второе ружье, и хоть он начал удаляться, выстрелил по нему во второй раз: пуля попала ему в голову. Я с удовольствием увидел, как он свалился, тихо заворчал и растянулся, борясь со смертью. Тогда и Ксури, приободрившись, попросил у меня разрешения сойти на берег.

– Так и быть – ступай, – сказал я ему.

Он мгновенно прыгнул в воду и, держа в одной руке ружье, работая второй, доплыл до берега. Потом, приблизившись ко льву, приставил к его уху дуло ружья и всадил ему весь заряд в голову, что его и добило.

Это в полном смысле слова было для нас охотой, но не доставило пищи, и я был очень недоволен, что потратил три заряда пороха и несколько пуль на зверя, который нам ничего не дал. Ксури, правда, хотел хоть что-нибудь унести от него. Вернувшись на баркас, он попросил у меня топор.

– На что тебе, Ксури? – спросил я его.

– Я отрубить ему голову, – ответил он.

Однако Ксури не смог ее отрубить, но отсек лапу, которую и принес ко мне, она была огромна.

Поразмыслив немного, я подумал, что нам, возможно, пригодится шкура льва, и решил снять ее. Мы с Ксури принялись за работу, и здесь Ксури оказался опытнее меня, а я так вообще ничего не смыслил. На эту работу у нас обоих ушел целый день, наконец мы управились со шкурой. Мы разостлали ее на крыше нашей каюты, за два дня солнце ее отлично высушило, и она мне впоследствии служила постелью.

После этого привала мы целых двенадцать дней безостановочно плыли к югу, экономя наши запасы, начавшие быстро убывать, и приставая к берегу только за пресной водой. Мне тогда хотелось доехать до рек Гамбии или Сенегала, то есть до окрестностей Зеленого Мыса, где я надеялся встретить какое-нибудь европейское судно. В противном случае я больше не знал, каким курсом двигаться дальше, разве только пуститься на поиск островов либо погибнуть среди негров.

Глава VI

Робинзон и Ксури – победители льва

Я знал, что все корабли, отправлявшиеся к берегам Гвинеи, Бразилии или Восточной Индии, пристают к Зеленому Мысу или к этим островам. Словом, мне оставалось одно из двух: или встретить корабль, или погибнуть.

Следуя по намеченному мной пути еще дней десять, я стал замечать, что побережье обитаемо, в двух-трех местах мы видели людей, которые, глядя на нас, останавливались, мы могли также различить, что они были совершенно черные и голые. Однажды мне захотелось сойти на берег и подойти к ним, но Ксури, мой советник, сказал мне: «Не ходите! Не ходите!» Я стал плыть ближе к берегу, чтобы с ними поговорить, и они некоторое время следовали за мной по берегу. Я заметил, что в руках у них всех не было никакого оружия, только один человек держал какую-то длинную тонкую палку. Ксури сказал мне, что это копье, которое они умели бросать очень далеко и метко. Тогда я стал держаться не так близко к берегу, но разговаривал с ними, как умел, – знаками, особенно старался выпросить у них чего-нибудь поесть. Они показали мне знаками, чтобы я остановил свой баркас и они принесут нам пищу. Тогда я спустил парус и довольно близко остановился. Двое из них побежали куда-то и менее чем через полчаса возвратились, неся с собой два куска сушеного мяса и несколько зерен какого-то злака, растущего в их местности. Хотя мы вовсе не знали, что это за еда, однако готовы были бы ее взять. Только как это сделать? Я опасался сойти к ним на берег, а они боялись нас. Наконец они придумали безопасный для всех нас выход: положили принесенные запасы на берег и отошли на большое расстояние, где и оставались до тех пор, пока мы не убрали все на баркас, после чего они опять вернулись поближе.

Не зная, что дать им взамен, мы их благодарили знаками, как вдруг представился чудесный случай оказать им услугу. Не успели мы отойти от берега, как из-за гор сбежали два огромных зверя, которые с яростью преследовали друг друга. Был ли то самец, гнавшийся за самкой? Были ли они разъяренные или играли, определить мы не могли. Было ли то обычно или удивительно для этих мест? Не знаю, вернее всего последнее, потому что эти хищники в основном показываются только ночью, да и все жители, особенно женщины, страшно перепугались. Только человек, державший копье или дротик, не убежал, увидев их, как остальные. Однако оба зверя неслись прямо к морю и, не обращая никакого внимания на негров, бросились в воду и начали плавать туда-сюда, словно прибежали сюда всего лишь искупаться. Вдруг один из этих зверей начал приближаться к баркасу больше, чем я ожидал сначала. Но я уже принял против него меры предосторожности: поскорее зарядил ружье и велел Ксури зарядить другое. Лишь только зверь подплыл ко мне ближе, я выстрелил и попал ему прямо в голову. Он мигом погрузился в воду, тотчас же всплыл, снова погрузился, будто бы борясь со смертью, что и соответствовало действительности, затем он подплыл к берегу и, достигнув его, в ту же минуту издох, как от смертельной раны, так и захлебнувшись водой.

Невозможно выразить удивление этих бедных дикарей, пораженных треском моего ружья. Некоторые из них чуть не умерли со страху и в ужасном испуге попадали на землю. Но, увидев, что зверь убит и пошел ко дну, – а я им подал знак подойти к берегу, – они ободрились и вошли в воду, чтобы найти и вытащить зверя. Вода, покраснев от крови, помогла мне его найти. С помощью веревки, которой я опутал его и подал им, они вытянули животное на берег. Это оказался леопард редкой породы – с превосходной пестрой шкурой удивительной красоты. Негры поднимали руки от удивления, пытаясь угадать, что бы это значило и чем я его убил.

Другой зверь, испуганный огнем и внезапным треском моего ружья, достиг вплавь берега и убежал прямо в горы, откуда пришел. Из-за далекого расстояния не удалось различить, что это за зверь. Вскоре я увидел, что неграм захотелось поесть леопардового мяса, и решил им предложить это как подарок от меня. Когда же я им показал знаками, что они могут взять мясо, они меня очень благодарили и немедленно принялись за работу: обточенными кусками дерева ободрали его так же скоро и даже скорее, чем мы это сделали бы ножом. Они предложили и мне несколько кусков мяса, но я отказался, показывая, что хочу отдать им все и попросил знаками только шкуру. Они охотно отдали ее мне, принеся, кроме того, множество съестных припасов, которые я принял, хотя они и были мне неизвестны. Тогда знаками я попросил у них воды и показал им один из своих кувшинов, опрокинув его вверх дном и дав понять, что он пуст и мне нужно его наполнить. Они тотчас же позвали своих, и подошли две женщины с большим глиняным сосудом, по-видимому, обожженным на солнце (женщины тоже были голыми, как и мужчины). Как и прежде, они поставили его на берегу. Я послал туда Ксури с моими тремя кувшинами, и он их все наполнил.

Запасшись водой, кореньями и кое-каким зерном, я простился с добрыми неграми и, не приближаясь к берегу, продолжал свой путь около одиннадцати дней, пока не увидел, что полоса земли выступала довольно далеко в море, на четыре-пять миль, и так как море было спокойным, ушел дальше от берега, чтобы обогнуть эту полосу. Наконец, обойдя ее, я увидел землю на противоположной стороне, из чего заключил, что я не ошибся: с одной стороны от меня был Зеленый Мыс, а с другой – острова того же названия. Но они были слишком далеко, и я толком не знал, что мне делать. Первый же шквал мог помешать мне добраться до земли.

Одолеваемый сомнениями, я вошел в мою каютку, передав румпель Ксури. Вдруг мальчик закричал:

– Хозяин! Хозяин! Корабль с парусом!

Он был страшно испуган, по наивности думая, что это один из кораблей его хозяина, посланных за нами. Я же хорошо знал, что в этом плане мы в полной безопасности. Я выскочил из каютки и в ту же минуту не только увидел, но и узнал, что это корабль португальский и – как мне казалось – направлялся за неграми к берегам Гвинеи. Однако, рассмотрев курс, по которому он шел, я понял, что он идет в другом направлении и не собирается приближаться к берегу. Тогда я повернул в открытое море и, прибавив сколько мог парусов, решил каким-то образом вступить с ним в контакт.

После невероятных усилий прибавить скорость судна я убедился, что мне никогда не удастся его настичь и что он уйдет раньше, чем я успею подать ему сигнал. Сделав все возможное, я уже начинал терять надежду, как вдруг меня увидели, вероятно, в подзорную трубу и, узнав, что мой баркас, очевидно, с какого-то европейского корабля, потерпевшего крушение, замедлили ход, давая мне возможность его догнать. Это ободрило меня, и так как у нас был кормовой флаг, я поднял его на флагшток, показывая, что мы терпим бедствие. Кроме того, я выстрелил из мушкета. И то, и другое заметили: позже я узнал, что дым видели, хотя выстрела не слышали. После этих сигналов корабль лег в дрейф и часа через три мы к нему причалили.

Меня спросили по-португальски, потом по-испански, потом по-французски, кто я такой, но я не знал ни одного из этих языков. Наконец нашелся один шотландский матрос, которому я ответил по-английски, что я англичанин, бежал из неволи от салехских мавров. Тогда нас пригласили на корабль и приняли очень доброжелательно со всеми пожитками.

Можно себе представить ту невыразимую радость, которую я чувствовал после своего бедственного и, казалось, безнадежного положения. Я предложил капитану корабля за мое избавление все, что имел. Но он великодушно отказался, сказав, что ничего у меня не возьмет и по прибытии в Бразилию все мне будет возвращено в целости.

– Я вам спас жизнь так же, – сказал он, – как хотел бы, чтобы вы в подобной ситуации спасли мою собственную. Может быть, и мне придется когда-то воспользоваться чьей-то помощью. Кроме того, я вас повезу в Бразилию, настолько далекую от вашей родины, что если приму от вас то, что вы имеете, вы там умрете с голоду. Это означало бы лишить вас жизни, которую теперь спас. Нет, нет, господин англичанин, я хочу отвезти вас туда из сочувствия, а ваши вещи могут стать оплатой за ваше проживание и возвращение на родину.

Он был так же точен в исполнении своих обещаний, как и искренен в своих предложениях: запретил матросам касаться чего бы то ни было из моего имущества. Каждую вещь взял под свой присмотр и дал мне потом точную опись всего абсолютно, чтобы я мог получить обратно все в целостности и сохранности, – даже три глиняных кувшина!

Что же касается баркаса, то он был еще довольно хорош, и капитан предложил мне купить его для своего корабля, спросив, сколько бы я хотел за него получить. Я ответил, что по отношению ко мне он был слишком великодушен, чтобы я назначал какую-то цену, поэтому просто отдаю ему. Он сказал, что напишет мне расписку на восемьдесят реалов, которые заплатит в Бразилии. Если же по нашем прибытии туда кто-нибудь предложит мне больше, то и он заплатит мне больше. Кроме того, он предложил мне шестьдесят реалов за моего мальчика Ксури. Я медлил с ответом не потому, что мне не хотелось оставить его у капитана, а оттого, что мне жалко было продавать свободу бедняги, который с такой верностью помогал освободиться мне самому. Но когда я объяснил капитану мои соображения, он нашел их справедливыми и предложил дать мальчику обязательство освободить его по истечении десяти лет, если он примет христианство. Поскольку Ксури на этих условиях согласился последовать за капитаном, то я и уступил его.

Наше плавание было вполне благополучным до самой Бразилии, и через двадцать два дня после нашей встречи мы вошли в залив Всех Святых. Я второй раз избавился от самого бедственного из всех возможных для человека положений, и мне оставалось только принять решение о своей дальнейшей судьбе.

Глава VII

Предложения двух колонистов

Никогда не забуду я великодушного отношения ко мне капитана: он ничего не согласился взять с меня за проезд, дал мне двадцать дукатов за шкуру леопарда и сорок – за львиную. Кроме того, он велел полностью возвратить все принадлежавшее мне на его корабле и выкупил у меня то, что я хотел продать: ящик с вином, пару ружей и остаток белого воска, из которого я делал свечи. Словом, в итоге я выручил за свой груз около двухсот пиастров и с этим капиталом в кармане ступил на берег Бразилии.

Вскоре после этого капитан ввел меня в дом такого же, как и он, порядочного, честного человека, владельца сахарной плантации и сахарного завода. Я провел у него некоторое время и научился разведению сахарного тростника и приготовлению самого сахара. Увидев, какую безбедную жизнь ведут американские колонисты и с какой скоростью богатеют, я решил, если получу разрешение правительства, поселиться здесь и самому стать плантатором. При этом я думал, как бы мне вернуть деньги, которые я оставил в Лондоне. Получив подданство, я купил столько необработанной земли, сколько позволяли мне мои наличные деньги, составил план будущей плантации и усадьбы, исходя из суммы, ожидаемой мной из Лондона.

Соседом моим был лиссабонский португалец, по происхождению англичанин, – по фамилии Уэлз. Мы с ним оказались почти в одинаковых обстоятельствах. Я называю его соседом потому, что его плантация прилегала к моей и мы с ним поддерживали самые дружеские отношения. Наши доходы были одинаково незначительными, почти два года мы получали с наших плантаций не более, чем требовалось для скромного существования. Но постепенно наше положение улучшалось, и уже на третий год мы начали разводить табак, и оба смогли выделить порядочный участок земли, чтобы на будущий год засадить его тростником. Однако как один, так и другой, мы нуждались в помощи, и я очень пожалел, что так неразумно поступил, расставшись с моим Ксури.

Но – увы! – ошибаться мне было не в диковину, я никогда не отличался благоразумием. Оставалось одно – продолжать. Я выбрал занятия, которые совершенно не соответствовали моим природным наклонностям и явно противоречили тому образу жизни, о котором я мечтал и из-за которого не только покинул отцовский дом, но и пренебрег добрыми родительскими советами. Я как раз и вступил в тот самый средний класс – эту самую высшую ступень скромного существования, которую мне так хваливал отец и которой я так же успешно мог бы достичь на родине, не мучая себя тяжелейшими скитаниями по свету!

Как часто я теперь говорил самому себе: то, что я делаю здесь, я бы так же легко мог делать и в Англии, среди моих родных и друзей. Стоило ли мне для этой цели одолевать пять тысяч миль, чтобы затеряться между чужими, между дикарями в пустыне – так далеко, что ниоткуда, где меня знают, сюда не дойдет ни одна весточка!

Так вот нередко я горько размышлял о своем положении. Мне не с кем было поделиться своими мыслями, кроме соседа, да и то изредка! Не было работы, которой бы я не выполнял собственными руками, и я часто повторял, что живу здесь как человек, потерпевший кораблекрушение и заброшенный на необитаемый остров, человек, который не может рассчитывать ни на чью помощь, а только на самого себя. Как это справедливо и как необходимо помнить каждому, кто сравнивает свое настоящее положение с другим, еще худшим, что Провидение может все изменить и показать, как же хорошо было прежде! Справедливо, говорю я, что действительно одинокая жизнь на пустынном острове, на которую я жаловался, стала впоследствии моей настоящей участью. А я так часто сравнивал эту жизнь с той,

прежней, которая, если бы я был терпеливее, вероятно, принесла бы мне богатство и благополучие!

Я еще занимался устройством и развитием моей плантации, когда мой добрый друг, капитан корабля, который так сердечно принял меня в открытом море, все еще готовился в обратный путь (прошло около трех месяцев, пока закончилась загрузка его корабля). Когда я сказал ему о том небольшом капитале, который я имел в Лондоне, он дал мне следующий искренний дружеский совет:

– Сеньор англичанин, если вы мне дадите законную, формальную доверенность и напишете тому, у кого вы в Лондоне оставили на сохранение ваши деньги, чтобы он отправил их в Лиссабон в виде товаров, необходимых там, тем лицам, которых я назову, то я, с Божьей помощью, доставлю вам их при первом же возвращении сюда. Но поскольку на земле все подвержено несчастьям и превратностям судьбы, то вы поступите очень благо- разумно, поручив снять сто фунтов стерлингов, таким образом рискнув только той суммой, которая, по вашим словам, составляет половину вашего капитала. Если она даст прибыль, то вы так же сможете распорядиться и остальной частью. Если же нет, то эта остальная часть, по крайней мере, останется на черный год.

Совет был благоразумен, свидетельствовал о дружеском ко мне отношении, и я сам подумал, что не мог бы сделать ничего лучшего. Поэтому я и написал письмо той вдове английского капитана, у которой хранились деньги, и дал доверенность капитану.

В своем письме вдове я рассказал обо всех своих похождениях, о рабстве, побеге, встрече в открытом море с португальским капитаном, его добросердечном ко мне отношении и том состоянии, в котором я тогда находился. Сообщил я ей также все необходимое, чтобы она распорядилась моими деньгами.

Когда капитан прибыл в Лиссабон, он через одного поселившегося там английского купца передал другому, лондонскому, не только мое поручение, но и подробный рассказ обо всех моих злоключениях. И уже этот купец сообщил то и другое вдове и сделал так, что она, кроме моих денег, прислала португальскому капитану приличный подарок из собственного кошелька в благодарность за его участливое отношение ко мне.

Лондонский купец, выполняя поручение капитана, купил на сто фунтов стерлингов английских товаров и отослал их ему прямо в Лиссабон. Затем они были в лучшем виде доставлены мне в Бразилию. В их числе капитан, без какой бы то ни было моей просьбы (я, новичок в тех делах, и не подумал ни о чем), отправил мне разного рода сельскохозяйственные земледельческие орудия, а также прочую утварь, необходимую для моей плантации, чем принес мне огромную пользу.

Прибытие этого груза очень обрадовало меня, и я уверовал в устойчивость своего положения. Мой добрый друг, капитан, кроме того, на те пять фунтов стерлингов, которые подарила ему моя лондонская приятельница, заключил контракт на шесть лет с одним работником, которого привез для меня и ни под каким видом не захотел ничего взять от меня в благодарность, кроме небольшого количества табака, который я уговорил его принять как урожай с моего поля.

И это было еще не все. Мои товары состояли из английских мануфактурных изделий: платков, материй, фланели и других, здесь особенно ценных и необходимых вещей. Я продал их с такой прибылью, что учетверил свой капитал и далеко превзошел по разработке собственной плантации моего бедного соседа, начав с того, что купил себе черного невольника и нанял работника-европейца, которого, кроме того, капитан привез мне из Лиссабона.

Однако дурное употребление того, что принесло человеку счастье, нередко становится источником его величайших бедствий. Так случилось и со мной. В следующем году моя плантация принесла значительный доход: я со своей земли собрал пятьдесят больших тюков табака, не считая того, что выменял у соседей на другие предметы домашнего обихода. Каж-

дый из этих пятидесяти тюков, весом около одного центнера, хранился плотно запакованным, ожидая отплытия судов в Лиссабон. Между тем как дело мое разрасталось, имение увеличилось, я начал затевать множество несбыточных проектов, которые намного превышали мои средства, то есть это были проекты из тех, что часто совершенно разоряли самых ловких дельцов.

Если бы я умел довольствоваться моим положением, то мне, может быть, удалось бы дожидаться тех жизненных благ и радостей, ради которых отец с такой убедительностью советовал мне избрать спокойную, удаленную от светского шума жизнь и которые он так справедливо мне предсказал, только пребывая в среднем состоянии. Но мне не суждено было это счастье, я снова оказался сам виноват в собственных несчастьях. И все это будто для того, чтобы еще больше ухудшить свое положение, увеличить свою вину, а значит, и самобичевание, на которое в будущем у меня будет немало времени.

Все мои несчастья случались только из-за неумной и безрассудной страсти рыскать по свету, которой я предался с такой горячностью, в то время как меня ожидали благополучие и счастливая жизнь, если бы я уверенно шел по начатому мной и определенному природой и Провидением пути, исполняя свой долг.

Как и во время ссоры с моими родителями, так и теперь я не мог довольствоваться настоящим. Меня что-то неотвратимо тянуло к странствиям, и я расстался с прекрасной надеждой устроить свои дела и разбогатеть, работая на моей плантации. Всем этим я пожертвовал ради неумного желания разбогатеть скорее, чем это позволяли обстоятельства. Таким образом, я снова кинулся в глубочайшую бездну злосчастий, какие только могут поглотить человека и из которых почти невозможно выйти живым и здоровым.

Чтобы познакомиться с подробностями этой части моей повести, читатель должен знать, что за четыре года жизни в Бразилии, где я разбогател благодаря плантации, я не только выучил португальский язык, но и подружился с другими плантаторами и купцами нашего портового города Сан-Сальвадора. При наших встречах я часто рассказывал им о моих двух путешествиях к берегам Гвинеи, о том, как ведется торговля с неграми, и о той легкости, с какой за безделицы и игрушки (бусы, ожерелья, подвески, ножики, ножницы, топоры, стекляшки и подобные вещи) можно закупить не только золотого песка, слоновой кости и т. п., но самих негров для работ в Бразилии – и все это в неограниченном количестве.

Такие рассказы всегда слушали с большим вниманием, особенно тогда, когда я начинал говорить о торговле неграми, которая тогда не была еще так распространена и всегда производилась только с разрешения королей, испанского или португальского, так как негров покупалось тогда еще очень мало и то по чрезвычайно высокой цене.

Однажды мы опять как-то собрались с моими знакомыми плантаторами и купцами и увлеченно говорили на эту тему. На следующее утро меня посетили двое или трое из них и сказали, что они много думали о вчерашнем нашем разговоре и пришли сделать секретное предложение.

Глава VIII

Кораблекрушение

Взяв с меня слово молчать, приятели сообщили мне, что надумали снарядить и отправить корабль в Гвинею.

– Мы все, – сказали они, – имеем такие же, как у вас, плантации и более всего, как и вы, нуждаемся в работниках. Но мы не можем, как известно, без разрешения открыто продавать негров после того, как привезем их в Бразилию. Поэтому желательно снарядить хоть один рейс, чтобы провезти негров тайно и разместить их по нашим плантациям.

Словом, дело заключалось в том, захочу ли я поступить на корабль в качестве приказчика, то есть руководить закупкой негров в Гвинею, за что предлагали мне получить одинаковое со всеми количество негров, безо всякого моего вклада в это предприятие.

Такое предложение на самом деле было бы довольно выгодным для того, кто не имел собственной весьма значительной плантации, требовавшей присмотра, плантации, которая могла приносить богатую прибыль. Но для меня, – у кого все это уже имелось и кому оставалось только года три-четыре продолжать начатое, получив свои сто фунтов стерлингов и с этой небольшой добавкой стать владельцем трех-четырёх тысяч фунтов стерлингов, которые бы нарастали с каждым днем, – для меня думать о подобном путешествии было величайшим сумасбродством.

Однако я родился на погибель самому себе и точно так же не мог устоять против такого предложения, как и победить свою прежнюю юношескую страсть к скитальческой жизни, когда она превозмогла во мне все добрые советы моего отца. Одним словом, я ответил им, что с удовольствием готов отправиться в путешествие, если они в мое отсутствие возьмутся присматривать за моей плантацией, а если потребует, распорядиться ею по моему указанию.

Они пообещали мне это и закрепили письменным договором. Я составил также формальное завещание, в котором, на случай моей смерти, сделал все нужные распоряжения по моей плантации и прочему имуществу, назначив моим единственным наследником капитана, спасшего мне жизнь, только с оговоркой, чтобы он половину моих доходов оставлял себе, а другую отсылал в Англию.

Словом, я принял все меры, чтобы сохранить свою собственность и поддерживать в хорошем состоянии плантацию. Если бы я хоть наполовину позаботился о себе самом и предусмотрительно подумал, что мне нужно делать и чего нельзя, то я, наверное, никогда не оставил бы такое многообещающее дело и не променял бы весьма реальные возможности разбогатеть на морское путешествие, связанное с опасностями и риском, не говоря уже об особых причинах, по которым я мог ожидать неприятностей.

Однако я позволил себе последовать своим фантазиям и вместо того, чтобы послушаться голоса рассудка, слепо пошел на поводу моей склонности. Когда корабль был полностью снаряжен и загружен и все согласовано между мной и всеми участниками путешествия, я под влиянием моей несчастной планеты 1 сентября сел на корабль, спустя ровно восемь лет после того, как в Гулле сбежал от моих родителей, проигнорировав их просьбы, и совершил глупейший поступок себе во вред.

На нашем корабле, судне водоизмещением около 120 тонн, было шесть пушек, четырнадцать матросов, капитан, юнга и я. Кроме предметов, требовавшихся для торговли с неграми (бус и разных стекляшек, раковин, дешевых игрушек, маленьких зеркал, ножииков, ножниц, топоров и т. п.), у нас не было никаких других товаров. В тот же день, когда я взошел на корабль, мы снялись с якоря и направились к северу вдоль берегов Бразилии, рассчитывая

свернуть к берегам Африки, когда достигнем десятого или одиннадцатого градуса северной широты – в то время обычный курс судов.

Погода стояла прекрасная, но жара была нестерпимая все время, пока мы шли вдоль наших берегов, до самой оконечности мыса Святого Августина. Отсюда мы повернули в открытое море и взяли курс примерно на остров Фернандо де Норонха, на северо-восток. После двенадцатидневного пути мы, по нашим расчетам, находились под 7°22' северной широты, как вдруг нас сбил сильный ураган. Сначала он дул с юго-востока, потом перешел на северо-восток и отсюда начал бушевать с такой ужасной силой, что мы двенадцать дней кряду беспрестанно сбивались с пути и неслись туда, куда нас гнала безжалостная стихия. Все эти двенадцать дней я каждую минуту ожидал смерти, и никто на корабле уже не надеялся спастись.

Но наши бедствия заключались не только в ужасной буре. Нас постигло и другое несчастье: один из матросов умер от тропической лихорадки, а еще одного матроса вместе с юнгой унесло в море нахлынувшей волной.

Когда на двенадцатый день ветер стал несколько стихать, капитан вычислил, что мы находились приблизительно под одиннадцатым градусом северной широты, но что нас отнесло от мыса Святого Августина на двадцать два градуса к западу. Теперь мы были близко к берегам Гвианы или северной части Бразилии, по ту сторону Амазонки, ближе к Ориноко, называемой обычно Великой рекой. Капитан советовался со мной по поводу того, куда держать путь, поскольку в корабле оказалась течь и он не годился для дальнейшего плавания. Капитан думал возвратиться к берегам Бразилии.

Я возражал. Пересмотрев с ним вместе карты берегов Америки, мы убедились, что не найдем ни одной населенной земли, где нам можно будет пристать, пока не достигнем Карибских островов. Поэтому мы и решили взять курс прямо на Барбадос, куда надеялись прибыть за пятнадцать дней, держась только в открытом море, подальше от течения Мексиканского залива. Это решение мы приняли потому, что без починки корабля и пополнения экипажа достигнуть берегов Африки было невозможно.

Итак, мы изменили курс и поплыли к западу на северо-запад, чтобы дойти до одного из наших английских островов и получить там помощь. Но Провидение распорядилось иначе. Едва мы пересекли двенадцать градусов северной широты, как нас настиг второй шторм. Он с прежней силой отбросил нас на запад, так далеко от знакомого пути, что если бы даже нам удалось спастись на море, то, скорее всего, мы попали бы на съедение к дикарям.

Все оставалось по-прежнему, ветер все еще продолжал свирепствовать, как вдруг однажды поутру кто-то из матросов закричал: «Земля!» Мы только успели выскочить из каюты, чтоб разобраться, где находимся, как наш корабль сел на мель. От этого он так внезапно остановился на ходу и волны хлынули на палубу с такой силой, что мы уже ожидали смерти и укрылись под палубой от пены и брызг.

Тому, кто никогда не находился в подобном положении, невозможно ни описать, ни даже дать представление о том ужасе, который охватил экипаж корабля. Мы не знали, где находимся, к какой земле нас прибило, остров ли это, материк ли и населен ли он или необитаем? А поскольку буря все еще продолжала реветь, хотя и с меньшей силой, то у нас даже не оставалось надежды, что наш корабль продержится еще несколько минут, не разбившись в щепки, разве что ветер каким-то чудом изменит направление. Со страхом глядя друг на друга, мы каждое мгновение ожидали смерти. Все мы приготовились к переходу в другой мир, потому что в этом нам уже нечего было ждать. Единственное утешение, правда, оставалось: корабль наш, против всех ожиданий, еще был целым и капитан сказал, что ветер начал стихать.

Хотя мы и сами заметили, что ветер несколько стих, корабль так крепко сел на мель, что у нас не было надежды сдвинуть его с места. Положение наше было поистине ужасно,

и нам надо было каким-то образом спасти свои жизни. Дно нашей шлюпки, прикрепленной к корме корабля, пробилось от частых и сильных толчков о руль, и она либо потонула, либо была отброшена далеко в море, так что на нее мы уже надеяться не могли. На корабле была и другая шлюпка, но спустить ее в море было слишком трудно. Впрочем, долго размышлять было некогда: мы не сомневались, что корабль наш вот-вот развалится, а кое-кто даже уверял, что он треснул.

В этот момент помощник капитана подошел к шлюпке, с помощью матросов спустил ее в море, и мы все, одиннадцать человек, вошли в нее и доверились воле Божьей и свирепству бури. Шторм затихал, но волны все еще высоко вздымались у берега, и море можно было назвать, как говорят голландцы, диким морем.

Наше положение было самое отчаянное: мы ясно видели, с какой силой бушевало море, против него нельзя было устоять в нашей шлюпке, гибель казалась неизбежной. Могли ли мы продолжать свой путь без парусов? А если бы даже и имели их, то что стали бы с ними делать? Мы начали было грести к земле, но чувствовали то же, что люди, которых ведут на казнь: ведь с приближением к берегу морской прибой разнесет нашу шлюпку вдребезги. Но вручив наши души Божьему милосердию, мы собственными руками приближали миг нашей гибели, стараясь изо всех сил грести к земле, куда нас и без того уже гнало ветром.

Состоял ли берег из скал или песка, был ли он плоским или крутым, мы не знали. Единственный слабый луч надежды теплился в нас – это утешительная мысль достигнуть какой-нибудь спокойной бухты или устья реки, куда мы, улыбнись нам неожиданное счастье, могли бы войти и укрыться от бури. Но ничего подобного впереди не виднелось, только с нашим приближением к берегу земля казалась еще ужаснее самого моря.

По нашим расчетам, мы уже гребли около полутора часов, как вдруг огромный вал, словно гора, вздыбился над нами, угрожая подмять под себя. Он обрушился на нас с такой яростью, что в следующее мгновение шлюпка опрокинулась. Нас отбросило друг от друга на большое расстояние, и мы едва успели вскрикнуть: «О Боже!», как минуту спустя все скрылись под водой.

Глава IX Остатки экипажа

Нельзя вообразить моего смятения, когда я начал тонуть. Хотя я довольно хорошо плавал, но никак не мог выбиться из воды, чтобы перевести дыхание. Волны далеко несли меня или, точнее, увлекали к берегу, и когда, рассыпавшись, отступили назад, я остался на суше, едва не захлебнувшись проглоченной мной водой. Увидев себя гораздо ближе к земле, чем ожидал, я был настолько благоразумен, что, собрав последние силы, встал на ноги и побежал, стараясь достичь берега прежде, нежели меня нагонит и унесет другая волна. Но вскоре я почувствовал свое бессилие, увидев, как яростное море поднималось сзади меня горой и догоняло меня. У меня не было ни сил, ни средств сразиться с этим врагом. Последним моим спасением было, задержав дыхание, подняться на гребень волны, удержаться и, если удастся, доплыть до берега. Больше всего я боялся, чтобы волна, выбросив меня на берег, а потом отхлынув назад, не отбросила меня опять в море.

Нахлынувший вал, внезапно поглотив меня, накрыл всей массой на глубине в двадцать-тридцать футов. Я чувствовал, как меня несло к земле с невероятной силой! Я задержал дыхание и поплыл изо всех сил. Я уже почти задохнулся от недостатка воздуха, как вдруг почувствовал, что всплываю наверх и что, к моему большому облегчению, моя голова и руки оказались над водой. Я не мог оставаться в этом положении более двух секунд, но и это уже принесло мне большую пользу: я снова вдохнул воздух и ощутил прилив сил. Потом волна снова нахлынула на меня, и я довольно долго пробыл под водой, но держался изо всех сил. Когда же я почувствовал, что волна рассыпалась и была готова откатиться назад, я не сдался ей и снова встал на ноги. Несколько секунд я оставался неподвижен, переводил дыхание и выжидал, когда вода отхлынет, потом опрометью бросился к берегу. Но и сейчас я не избавился от ярости моря: оно снова обрушилось на меня два раза, волны поднимали меня и по-прежнему далеко уносили, так как берег здесь был совершенно отлогий.

Последний вал едва не стал для меня гибельным: море вынесло меня на землю, вернее, выбросило на скалу с такой силой, что я лишился чувств и оказался совершенно беспомощным. Удар в бок и в грудь как бы вышиб из моего тела дыхание, и, если бы оно тут же не вернулось ко мне, вода бы меня поглотила. Но я успел перевести дух прежде, чем вернулась волна, и, видя, что она снова захлестнет меня, уцепился за выступ скалы и до тех пор не переводил дыхание, пока вода не схлынула.

Поскольку ближе к земле волны поднимались не так высоко, я продержался, пока они не ушли. Тогда я опять побежал к берегу и так близко подошел к земле, что новая догнавшая меня волна уже не могла унести меня. Наконец, сделав последнее усилие, я очутился на твердой земле, где, к величайшей моей радости, смог вскарабкаться на скалу, там сел на траву, уже не опасаясь преследований океана.

Оказавшись на земле и в безопасности, я поднял голову и стал благодарить Всевышнего за спасение моей жизни, на которое еще несколько минут назад у меня почти не было надежды. Мне кажется невозможным изобразить все восхищение и восторг души, как бы вырванной из глубины могилы. После этого я не удивляюсь обычаю врачей пускать кровь преступнику, которому приносят известие об отмене казни в тот самый миг, когда он с петель на шее ждет неизбежного конца. Неожиданная радость способна лишить его жизненных сил и остановить сердце.

«Внезапность радостей, как и горесть, равно поражает!»

Погруженный в размышления о своем спасении, я расхаживал взад и вперед по берегу, возводя руки к небу, делая тысячи разных телодвижений, которых не могу даже описать, думал об утонувших моих товарищах, из которых, кроме меня, не спаслась ни одна душа;

после того я ни с кем из них не встречался, не видел ни их самих, ни их следов, кроме трех шляп, колпака и двух непарных башмаков.

Посмотрев на стоявшее на мели судно, я с трудом мог различить его, так оно было далеко, я не представлял тогда, о Боже, как я мог добраться до берега! Несколько успокоившись теперь в нынешнем своем положении, я начал осматриваться вокруг, хотел узнать, в каком я месте и что мне делать. Вскоре радость моя поутихла: я понял, что спасение не избавило меня от будущих неприятностей, ибо я весь взмок, а у меня не было никакой сменной одежды. Мне нечего было ни есть, ни пить, чтобы подкрепить свои силы. Меня ожидало что-то ужасное – либо умереть с голоду, либо быть съеденным хищными зверями.

Это меня тем более огорчило, что у меня не было никакого оружия, с которым я бы мог поохотиться, добыть для своего пропитания каких-нибудь животных или защищаться от хищников, которые бы вдруг напали на меня. В общем, у меня с собой ничего не было, кроме ножика, трубки и небольшого количества табака в табакерке. Это и были все мои запасы. Осознав это, я впал в такое отчаяние, что несколько минут бегал взад и вперед как безумный. После захода солнца я с тоской и страхом начал размышлять об ожидавшей меня участи: если здесь водятся хищники, то, как известно, они обычно бродят по ночам в поисках добычи.

Мне оставалось одно – влезть на ближайшее густое, ветвистое дерево, похожее на ель, на котором я и решил провести всю эту ночь, оставив себе на завтра решить, какой смертью мне умереть, так как больше мне ничего не оставалось. Я отошел на четверть мили от берега посмотреть, не найду ли пресной воды, чтобы утолить жажду, и, к великой радости, я ее нашел. Напившись, я положил в рот немного табака, чтобы заглушить голод, подошел к дереву, взобрался на него и постарался так на нем усесться, чтобы не упасть, если засну. На случай защиты я вырезал короткую ветку вроде дубинки и занял свою квартиру. Сильно уставший, я крепко уснул. Мой сон был так глубок, что немногие смогли бы так спать, если бы они оказались в моем положении. Выспавшись, я почувствовал облегчение, какого не ощущал еще никогда.

Когда я проснулся, было уже совсем светло: погода прояснилась, ветер утих, вчерашнее волнение на море прекратилось. Но каково было мое удивление, когда я увидел, что корабль за ночь был снесен приливом с того места, где сел на мель, и его прибило течением к той самой каменной гряде, о которую так сильно ударило меня! Он находился почти в одной миле от берега и, как мне показалось, стоял почти прямо, поэтому я решил сходить на него, чтобы спасти некоторые необходимые мне вещи.

Когда я спустился со своей квартиры, то есть с дерева, и осмотрелся вокруг, первое, что бросилось мне в глаза, была шляпка, лежавшая на земле милях в двух, куда выбросили ее ветер и море. Чтобы добраться до нее, я прошел довольно далеко вдоль берега, но обнаружил между мной и шляпкой небольшой залив, шириной около полумили, и вернулся назад, так как мне больше хотелось тогда попасть на судно, где я надеялся найти что-нибудь для своего пропитания.

Вскоре после полудня на море сделался штиль, а прилив так понизился, что я смог приблизиться на четверть мили к кораблю. Там меня охватило чувство глубокой скорби, так как я увидел, что если бы мы остались на корабле, то все непременно спаслись бы: переждав шторм, все достигли бы берега, остались бы здоровы и невредимы, и я не был бы так несчастен, как теперь, лишившись человеческого общества. От этих мыслей на мои глаза навернулись слезы, но они стали для меня слабым облегчением, и я решил все же добраться до судна. Жара стояла нестерпимая, я разделся и бросился в воду. Однако, доплыв до судна, я оказался в большом затруднении: как на него попасть? Сев на мель, оно стояло высоко над водой, и мне не за что было схватиться руками. Я обогнул его два раза вплавь и во второй раз заметил небольшой конец каната, удивившись, что не увидел его раньше. Он был

прикреплен к фок-вантам и так низко спущен, что я, хоть и с трудом, мог за него ухватиться и с его помощью вскарабкался на бак. Там я увидел, что корабль сильно разбился: почти весь трюм его заполнился водой, нос до того опустился, что оказался почти вровень с водой. Но поскольку он плотно лежал на твердой песчаной мели, или, точнее, упирался в землю, то корма его поднялась довольно высоко. И так как корма оставалась свободной от воды, все, что в ней находилось, осталось сухим.

Понятно, что, во-первых, я хотел осмотреть, что повреждено и что сохранилось. Выяснилось, что вся корабельная провизия была в хорошем состоянии и совершенно сухой, а так как я был изрядно голоден, то и отправился в кладовую, где наполнил карманы сухарями и ел их на ходу, занимаясь другими делами, чтобы не терять времени. В кают-компани я нашел ром, сделал несколько глотков, что было очень кстати и придало мне бодрости. Нужнее всего мне была лодка, чтобы перевезти множество вещей, которые мне, я полагал, понадобятся.

Бесполезно было бездельничать, желая того, чего получить было невозможно: нужда включила мою изобретательность. На нашем корабле было несколько рей, мачт, стеньг и две или три двойные запасные стеньги.

Из них я решил построить плот. Начал я с того, что перебрасывал за борт все то, что мне было под силу, но завязывая веревкой каждый предмет, чтобы они не могли уплыть. После этого я спустился по боковой части корабля и, притянув к себе четыре спущенных бревна, связал их по обоим концам как можно крепче в виде плота. Поперек я положил три или четыре бортовых обломка и нашел, что по моему плоту я могу очень спокойно ходить, но для тяжелого груза он был слишком легким.

Итак, я принялся за работу. Распилив плотницкой пилой на три части запасную мачту, я с величайшим трудом приладил ее к моему плоту. Надежда доставить себе все необходимое побуждала меня делать даже то, чего бы в других случаях я никак бы не мог одолеть.

Глава X Плот

Наконец плот мой был надежно скреплен и мог выдержать значительную тяжесть. Чем я нагружу его и как уберегу этот груз от морского приboя, я сообразил довольно быстро. Я уложил на плот весь тес и все найденные мной доски, потом, подумав хорошенько о том, что мне всего нужнее, я сперва принялся за три матросских сундука: разломал замки, опорожнил и спустил на плот. Первый сундук я наполнил разной провизией: хлебом, рисом, тремя кругами голландского сыра и пятью кусками сушеной козлятины (главной пищи нашего экипажа), остатками европейского зерна, взятого для кормления кур, бывших на судне, но уже съеденных нами. Нашлось немного ячменя, смешанного с пшеницей, но, к сожалению, испорченного крысами. Что касается напитков, то я нашел несколько бутылок в погребцах, принадлежавших нашему капитану, около пяти или шести галлонов (ведер) арака (рисовой водки), но я погрузил их отдельно, не считая нужным укладывать в сундук, где, впрочем, и места для них не оставалось. Занимаясь этим, я заметил, что начался прилив, хотя довольно тихий, и, к досаде своей, увидел, как уплыли оставленные на берегу мои куртка, рубашка и камзол. Что же касается моих полотняных штанов с прорезями на коленях и чулок, то они оставались на мне.

Как бы то ни было, но мне пришлось отыскивать себе одежду, я нашел ее в достаточном количестве, однако взял с собой не более того, что мне тогда было необходимо. Много было других вещей, которые меня соблазняли, например рабочие инструменты. После долгих поисков я нашел ящик плотника, который был для меня гораздо полезнее и дороже, чем корабль, нагруженный золотом. Этот ящик я спустил на плот со всем содержимым, не заглянув внутрь, чтобы не терять времени.

Потом я вспомнил об оружии и снарядах: в кают-компании я нашел два хороших охотничьих ружья и два пистолета. Их я отложил отдельно с несколькими пороховницами, небольшим мешочком с мелкой дробью и двумя старыми, заржавевшими шпагами. Я знал, что на корабле находилось три бочонка пороха, но мне было неизвестно, куда их пристроил наш канонир. Наконец после долгих поисков я их нашел. Один из них подмок, а два были сухи и в хорошем состоянии; я положил их вместе с оружием на плот. После загрузки плота я начал размышлять, как бы все это перевезти на берег: у меня не было ни паруса, ни весла, ни руля, и самый слабый ветер мог опрокинуть весь мой груз.

Три обстоятельства поддерживали меня: 1) тихое, спокойное море; 2) прилив, несшийся прямо на остров; 3) ветер, хоть и слабый, но дувший к берегу. Наконец я нашел два или три сломанных весла от шлюпки и две пилы, топор и молоток, кроме инструментов, бывших в сундуке, и отправился в путь с моим грузом. Около мили плот мой шел хорошо, но я заметил, что его начало относить от того места, где я вышел на берег. Это натолкнуло меня на мысль о том, что здесь течение и, следовательно, удастся найти бухту или реку, где мне удобно будет выгрузить мое добро.

Как я думал, так и случилось. Я обнаружил в берегу небольшую бухточку, куда устремлялся прилив, и начал направлять плот к середине течения. Однако едва второй раз не потерпел кораблекрушение, которое, случись со мной опять, я бы уже не пережил. Берег был мне совершенно незнаком, и меня несло одним краем плота на песчаную отмель, а так как другой его край был свободен и накренился, весь мой груз едва не скатился в воду. Чтобы удержать сундуки на месте, я изо всех сил уперся в них спиной. Оттолкнуть же плот не хватило бы никаких моих усилий, впрочем, я и не смел переменить своего положения, в котором, поддерживая сундуки, находился целые полчаса, пока прилив несколько не выровнял наклонившийся край плота. Поскольку вода все еще прибывала, спустя некоторое время плот начал всплывать и я веслом начал проталкивать его к середине. Когда меня унесло выше, я очутился в устье небольшой речки, между двумя берегами, на самой быстрой струе поднимавшегося вверх по реке прилива. Я стал выискивать на том и на другом берегу место, где бы мне удобнее причалить. Все еще надеясь хотя бы со временем увидеть какое-нибудь

судно, я не хотел располагаться слишком далеко от моря, именно поэтому я решил держаться как можно ближе к берегу.

Наконец я нашел небольшой заливчик справа от бухты, к которой с трудом провел свой плот. Я подплыл к ней так близко, что, упираясь в дно веслом, мог прямо втолкнуть в нее плот. Но я опасался при этом утопить свой груз из-за крутизны берега, который поднимался в виде отвеса, не оставляя для причала ни одного места, где бы мой плот, ударясь о берег и наклонившись одним концом и поднявшись другим, не подверг бы опасности весь мой груз. Оставалось ждать максимального подъема воды. Я уперся в дно веслом, используя его как якорь, чтобы удержать плот и подтолкнуть его к краю берега, как можно ближе к плоской площадке, которую, по моему мнению, должно было затопить, что и действительно случилось. Когда мой плот ушел под воду почти на фут, я втолкнул его на площадку, закрепил, воткнув с двух сторон в землю оба переломленных весла. Таким образом, мой плот и груз на нем оказались на мели в безопасности.

Теперь мне предстояло осмотреть окрестности и найти удобное место, где я мог бы устроить свое жилище, сложить пожитки и обезопасить их от всяких случайностей. Я до сих пор не знал, где тогда находился, на острове или материке, обитаема ли эта земля или нет. Существует ли опасность со стороны диких зверей или нет? За милую от себя я заметил цепь возвышенностей, простиравшихся на север, и высокую крутую гору. Взяв охотничье ружье, пистолет и рожок с порохом, я отправился в разведку. С большим трудом преодолев ряд препятствий, я взобрался на гору, откуда, к огромному сожалению, увидел, что нахожусь на острове, с которого не заметно никакой земли, кроме отдаленных каменных рифов и двух островков, меньше моего. Остров мой был не возделан и населен, вероятно, лишь дикими зверями, но пока я не увидел ни одного из них. Зато здесь было множество незнакомых мне птиц, убивая которых я не мог бы отличить съедобных от тех, которые для еды непригодны. На обратном пути я подстрелил большую птицу, сидевшую на дереве у опушки леса. Думаю, здесь это был первый выстрел с сотворения мира. Только успел я выстрелить, как над лесом поднялась огромная стая различных птиц, каждая из которых кричала по-своему. Ни одна из них не была мне известна, убитую птицу я принял за сокола, она была похожа на него цветом и клювом, но отличалась когтями и шпорами, мясо имело дурной запах и в пищу не годилось.

После своих открытий я отправился к плоту и начал его выгружать. На это ушел остаток дня. А что же делать ночью? Где лечь? Заснуть на голой земле я не решился, опасаясь хищников. Позже я узнал, что этот страх был напрасен.

Я огорчил себя как мог сундуками и досками, которые привез с собой на берег, и соорудил подобие шалаша. Что касается пищи, я еще не знал, что буду есть, не видел ничего, кроме двух зверьков, похожих на зайца, выбежавших из леса, когда я выстрелил.

Теперь я начал думать о том, что бы мне еще забрать с корабля: там были вещи, которые могли мне пригодиться, особенно веревки, полотно и другое. Итак, я решил еще раз посетить корабль. Зная, что первая же буря разобьет его окончательно, я подумал, что ни за что другое не стану приниматься, пока не добуду с него все, что мне под силу. Тут я начал сам с собой советоваться: брать ли мой плот. Это показалось мне нецелесообразным, и я, как и прежде, воспользовался отливом. Правда, на этот раз я разделся в шалаше, оставив на себе одну пеструю рубашку, холстинные брюки и башмаки.

Добравшись до корабля, я построил новый плот. После первого опыта сделал его легче прежнего и легче нагрузил. При этом увез на нем много полезных для себя вещей. Во-первых, я нашел два или три мешка, набитых гвоздями, большой бурав, дюжину или две топоров и полезнейшую для меня вещь – точило. Все это я отложил в сторону и добавил несколько артиллерийских снарядов, два или три железных лома, два бочонка пуль, семь мушкетов,

третье охотничье ружье, немного пороха, большой мешок дробы, большой сверток свинца, правда, он был такой тяжелый, что я не смог поднять его, чтобы перебросить за борт.

Кроме того, я взял небольшой парус, гамак и постель со всеми принадлежностями. Нагрузив второй плот всеми этими вещами, я, к великому моему удовольствию, благополучно привез их на берег.

Глава XI

Капитанская каюта

Я боялся, чтобы во время моего отсутствия кто-нибудь не пожрал на берегу мои съестные припасы. Но, возвратившись к ним, я не обнаружил никаких следов, только какой-то зверек, похожий на дикую кошку, сидел на одном из моих сундуков. Когда я к нему приблизился, он отскочил от меня на небольшое расстояние, потом вдруг остановился и, спокойно усевшись, доверчиво смотрел мне прямо в глаза, как будто хотел познакомиться. Я прицелился в него из ружья, но он, не понимая, что это означало, равнодушно наблюдал за мной, не собираясь уходить. Я бросил ему кусок сухаря, хотя, к слову будь сказано, я не мог позволить себе расточительности из-за скудости моих запасов. Тем не менее я отдал ему этот кусок. Он подошел к нему, обнюхал, съел, потом взглянул на меня с довольным видом, будто ожидая добавки, но я больше ничего ему не дал, и зверек ушел.

Когда я доставил мой второй груз на твердую землю, я вынужден был, вскрыв тяжелые бочонки, выносить порох по частям. Затем я принялся за другую работу – начал устраивать для себя из парусов и нарезанных жердей небольшую палатку. В эту палатку я перенес все, что могло испортиться от солнца или дождя. Перетаскав с трудом пустые сундуки и бочонки, я обставил ими палатку, чтобы обеспечить ее безопасность от внезапного нападения людей или зверей.

Сделав это, я загородил вход в палатку изнутри досками, а снаружи – пустым сундуком, поставленным боком. На пол я бросил одну из постелей. Положив пистолеты в изголовье, а ружье возле себя, я лег в первый раз на постель и, усталый, изнуренный, всю ночь проспал очень спокойно, ведь в прошедшую ночь я почти не отдыхал, а весь этот день изрядно работал, перетаскивая на берег все, что смог забрать с корабля.

Мне кажется, никто еще не владел таким огромным запасом всякого рода вещей, предназначенных для одного человека, как я. Но я все еще был недоволен: до тех пор пока корабль стоял на мели, я считал своей обязанностью переправить с него все, что было мне под силу. И я каждый день отправлялся на корабль и перевозил к себе то одну вещь, то другую. Особенно – в третий раз, когда я навез столько снастей, сколько мне удалось: все небольшие канаты, все парусные нитки, которые мог забрать, кусок запасной парусины, чтобы при необходимости починить паруса, даже бочонок с отсыревшим порохом. Одним словом, я перевез все паруса, от первого до последнего. Только мне пришлось разрезать их на куски, чтобы за один раз забрать как можно больше, да и парусина могла служить вместо обыкновенного полотна.

Самым радостным для меня оказалось то, что после пяти или шести подобных поездок, когда мне казалось, что на корабле уже не оставалось ничего стоящего, я нашел большую бочку с сухарями, три бочонка с ромом или со спиртом, ящик с сахаром и бочку отличной крупчатой муки. Это приятно удивило меня, ведь я не надеялся найти другой провизии, кроме подмоченной водой. Тотчас же я опорожнил бочку с сухарями, разделил их на несколько частей и завернул в разные куски нарезанного холста. Все было благополучно переправлено на берег.

На другой день я отправился в новое путешествие. Забрав с корабля все, что было полегче, я принялся за канаты. Большой буксирный канат я разрубил на посильные куски и перевез его на берег вместе с двумя другими канатами и всем железом, которое только мог вырвать. Тогда, обрубив оставшиеся реи и все, что могло послужить материалом для широкого плота, я построил такой плот и нагрузил на него все тяжелые вещи и отправился к себе. Но счастье мне изменило: мой плот был так тяжел и перегружен, что, въехав в небольшой залив, где я приставал прежде, я не мог провести его так же хорошо, как другие: он зака-

чался и опрокинул меня в воду со всем моим грузом. Что касается меня, я не пострадал, так как это случилось близко от берега, но мой груз, большая часть его, потонул, особенно жалел я о железе, на которое так надеялся в дальнейшей работе. И все же, когда прилив спал, я перенес на берег почти все куски каната, хотя и с большим трудом, бродя по воде. Работа эта меня ужасно измучила, не проходило дня, чтобы я не доставлял себе с корабля что-нибудь новое.

Тринадцать дней минуло с тех пор, как я вышел на берег, одиннадцать раз побывал на корабле, перетаскивая с него все, что было под силу одному человеку. Думаю, что если бы все время держалась тихая погода, то я перетаскал бы по кускам целый корабль. Когда же я готовился к двенадцатому рейсу, то заметил, что начал подниматься ветер. Несмотря на это, дождавшись отлива, я отправился туда опять, и хотя полагал, что капитанскую каюту я хорошо исследовал и ничего больше там не найду, я – сверх ожидания – открыл в ней шкаф с несколькими ящиками: в одном увидел две или три бритвы, пару больших ножниц и дюжину хороших ножей и вилок. В другом нашел около тридцати шести фунтов стерлингов золотой и серебряной монетой, частью европейской, частью бразильской чеканки, и несколько восьмерных реалов.

При виде этих денег я улыбнулся. «Дрянь! – сказал я вслух. – На что ты теперь годишься? Ты не нужна мне, ты не стоишь того, чтобы наклониться за тобой! Один из этих ножей дороже для меня, чем вся эта сумма! Я не нуждаюсь в тебе – лежи там, где лежишь, ступай на морское дно, как вещь не стоящая спасения!» После этих слов я, однако же, одумался: взяв деньги и завернув их с другими вещами в кусок парусины, начал придумывать, как бы мне сделать новый плот. Пока я размышлял, небо потемнело, ветер начал крепчать и через четверть часа подул довольно крепкий береговик. Я понял, что при таком сильном ветре бесполезно сооружать плот, а следует убираться прежде, чем начнется волнение, а то я и вовсе не попаду на берег. Итак, я спустился в воду, переплыл фарватер между кораблем и мелями, но это было нелегко при той тяжести, которую я тащил на себе, и при волнении моря: ветер подул с такой силой, что не успел еще начаться отлив, как поднялся шторм. Но я был уже дома, в моей палатке, и беззаботно сидел посреди всего моего богатства. Всю ночь дул сильный ветер, и, когда я поутру взглянул на море, корабль исчез! Это меня несколько расстроило, но я утешил себя тем, что не потерял времени даром и успел вывезти все, что могло мне пригодиться. В самом деле, на корабле уже почти ничего не оставалось, что бы стоило взять, даже если бы и было время на перевозку.

О корабле и о том, что на нем еще оставалось, я перестал думать, не отказываясь, впрочем, от обломков, которые могло бы прибить к берегу после окончательного разрушения корабля. Правда, эти обломки принесли мне впоследствии мало пользы.

Я занят был тогда одной мыслью: как обезопасить себя в случае внезапного нападения дикарей или хищников, если они действительно живут на этом острове. Я придумывал разные способы, как бы получше устроить свое жилище: выкопать ли подземелье или поставить и хорошо укрепить палатку? Наконец я решил сделать и то, и другое. Думаю, что описать, как это происходило, будет не лишним.

Выяснилось, что место, где я находился, совершенно не годилось для моего обустройства: низкое, болотистое, слишком близкое к морю, что, по моему мнению, не могло быть полезным для здоровья. Но главная причина заключалась в том, что поблизости не было пресной воды. Итак, я решил искать более удобное место.

Мне следовало учесть при этом ряд обстоятельств: во-первых, местность должна быть здоровой и с пресной водой; во-вторых, мое жилище должно защищать от солнечного зноя; в-третьих, оно должно обеспечивать безопасность от хищников – дикарей и зверей; в-четвертых, отсюда должен открываться вид на море: чтобы не упустить случая спастись, если Бог приведет к этим берегам какое-нибудь судно.

После поисков удобного места я открыл небольшую равнину у подножия высокого холма, одна сторона которого, прилегая к долинной площади, возвышалась в виде остроко-нечной горы или стены дома таким образом, что сверху ничто не могло ко мне проникнуть. У подножия холма находилось углубление, похожее на вход или двери в пещеру, но никакой пещеры, ни подземных ходов здесь не было.

На поляне, прямо против этой впадины, я и решил расположиться. Равнина – ярдов² на сто в ширину, а длиной почти вдвое – расстилалась в виде зеленого луга, в конце которого небольшая возвышенность спускалась неправильными уступами к берегу.

Это место находилось на северо-западе от холма, так что я весь день мог укрываться в тени от солнечного зноя, пока солнце не станет спускаться к юго-западу – в этом климате ближе к закату.

Прежде чем ставить мою палатку, я описал около своего жилища полукруг радиусом ярдов в десять, а диаметром – до двадцати ярдов. В этом полукруге я вколотил в два ряда кольца так, что они были вбиты в землю подобно сваям. Их заостренные концы возвышались над землей на пять с половиной футов, а между рядами колеев оставалось не более шести дюймов. После этого я набрал куски нарубленного мной на корабле каната и уложил их один на другой в промежутки частокола до самого верха. Потом изнутри полукруга прибавил другие кольца фута в два с половиной длиной, которыми подпер первые. Эта изгородь была так крепка, что ни человек, ни животное не могли пробить ее или сломать. Она забрала много времени и труда, особенно при рубке колеев в лесу, их переноске и вколачивании в землю.

---

² Ярд (*англ. jard*) – единица длины в английской системе мер. Один ярд = 3 фута = 36 дюймов (0,9144 м).

Глава XII Коза и козленок

Для входа в это место я устроил не дверь, а небольшую лестницу, по которой переправлялся через забор. Входя к себе, я поднимал лестницу за собой. Таким образом укрепясь и обезопасив себя от всякого нападения, я мог заснуть ночью спокойно, на что бы не решился без всего этого. Впоследствии выяснилось, что мне, оказывается, ничего не угрожало и не было ни малейшей нужды в этих предосторожностях против несуществующих врагов.

В эту загородку, или крепость, я с величайшим трудом перенес все мои богатства, провизию, запасы и весь мой скарб, подробно описанные мной выше. Чтобы защитить себя от проливных дождей, которые обычны здесь в определенное время года, я сделал двойную палатку, то есть внутри поуже, а снаружи гораздо более просторную, покрыв ее сверху смоленным брезентом, который забрал с корабля вместе с парусами.

С этих пор некоторое время я спал не на перевезенной мной постели, а в прекрасном гамаке, принадлежавшем капитану корабля. Перенеся в эту палатку все мои припасы и то, что следовало предохранить от сырости, я собрал в ней и прочие пожитки и наглухо закрыл вход, который до того оставался открытым: сам же входил по приставной лестнице.

Сделав это, я начал рыть для себя проход в утесе и, перенося оттуда через свою палатку всю вынутую землю и камни, сделал внутри ограды род насыпи высотой около полутора футов и таким образом устроил себе позади палатки погреб.

Много трудов и много времени ушло на то, чтобы привести все это в надлежащий порядок. Поэтому следует остановиться и на других предметах, занимавших тогда мое воображение.

Однажды, когда я еще обдумывал устройство своей палатки и погреба, набежавшая густая туча разразилась надо мной дождем и грозой: внезапно блеснула молния, и раздался сильный удар грома. Я не так испугался грозы, как мысли, которая пронзила меня с быстротой молнии: «Что будет с моим порохом?» Сердце у меня замерло, когда я подумал, что весь этот порох мог быть взорван одним ударом, порох – единственное средство защиты и пропитания! Собственная опасность меня не так беспокоила, да и, если бы порох действительно вспыхнул, я не успел бы даже ее осознать...

Эта мысль произвела на меня такое сильное впечатление, что я сразу же после грозы, отложив все мои работы, постройки и укрепления, принялся делать мешочки и ящички для пороха, чтобы разместить его небольшими порциями в разных местах, дабы во всяком случае он не мог вспыхнуть весь сразу. Потом я разложил пачки таким образом, чтобы взрыв одного не вызвал взрыва другого. Эту работу я окончил почти через две недели. Порох, которого у меня было до ста сорока фунтов, я разделил не менее чем на сто пачек. Что касается подмоченного бочонка, я его нисколько не опасался и поставил в погреб, который мысленно называл «кухней»; остальной же для защиты от дождей я спрятал довольно глубоко в расщелины утеса и заметил их себе для памяти.

Занимаясь этим делом, я ходил ежедневно с ружьем, отчасти для прогулки, отчасти в надежде подстрелить для еды какую-нибудь дичь, иногда – для более близкого знакомства с богатствами острова. В первый мой выход я обнаружил на острове коз, чему очень обрадовался, но вскоре эта радость поубавилась: козы были так дики, так хитры и так быстро бегали, что к ним почти нельзя было подойти. Я, правда, надеялся подстрелить какую-то из них при удобном случае. Впоследствии я подметил, что, увидев меня с высоты, они пугались и убегали. Но если паслись в долине, а я находился на возвышении, то не обращали на меня никакого внимания. Из этого я заключил, что их зрение устроено так, что глаза их

обращены вниз и они не могут видеть того, что находится над ними. И я принял за правило прежде всего взбираться на утес, а оттуда мне часто удавалось подстрелить их. Первым выстрелом я убил одну дойную козу, возле которой был сосавший ее козленок, что меня очень огорчило. Когда коза упала, малыш не только стоял как вкопанный, а даже, когда я пришел за убитой и пока нес матку на своих плечах в загородку, бежал за мной. Перевалив через загородку старую козу, я взял козленка на руки и пересадил его туда же. Я надеялся приручить его, но он не хотел ничего есть, и я вынужден был убить его и съесть. Мяса этих двух животных мне хватило надолго, потому что я жил экономно и сколько мог берег свои запасы, а особенно хлеб.

Устроившись таким образом, я стал думать о том, как обзавестись очагом и топливом. Как я этим занимался, как я увеличил погреб и обзавелся некоторыми удобствами, обо всем этом я дам полный отчет в свое время. Прежде всего мне хотелось бы коротко рассказать о себе и о том, что думал по поводу моего житья-бытья, а рассказать, вероятно, придется немало.

Мое положение представлялось мне ужаснейшим! Заброшенный на этот остров, после жестокой бури, далеко отбросившей меня от намеченного нами пути и на несколько сотен миль от обычных морских путей, я имел все основания думать, что по небесному приговору мне суждено в этом тоскливом месте самым жестоким образом окончить свою жизнь. Когда я так думал, слезы заливали мое лицо и я иногда роптал на Провидение: «Если Оно так губит свои творения, – говорил я сам себе, – если Оно доводит их до такого беспомощного состояния, забывает о них и позволяет столь жестоко угнетать, то следует ли мне благодарить Его за такое существование?»

Но я всегда скоро приходил в себя и пресекал подобные мысли. Однажды, когда я, расхаживая по берегу с ружьем в руках, горевал о моей участи, собственный рассудок вступил в спор со мной. «Ты одинок, – говорил он мне, – это правда, но вспомни, что стало с остальной частью экипажа? Не одиннадцать ли вас сошло в шлюпку? Где остальные десять? Почему они погибли, а ты спасся? За что тебя одного пощадило Небо? Что лучше: быть здесь или там?» При этом я посмотрел на море. Во всех бедствиях надо всегда найти хорошую сторону, стоит лишь подумать о том, что могло бы случиться и хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.